

## Тигр из Цзычуаня

После того, как битва в форте Уоррене завершилась, командующий Центральной армией Стирлинг не стал ждать перегруппировки с пехотными дивизиями заместителя командующего Центральной армии Цинь Лу. Вместо этого он сделал лишь небольшую паузу, чтобы разместить раненых, а затем повел тридцать тысяч кавалеристов Центральной армии в погоню за повстанческой армией, бежавшей к центру провинции Юнь. Быстрота его продвижения вполне могла считаться безрассудной. Даже в столице были обеспокоены: «Не повторится ли битва у Красного озера?!» Воспоминания об этой битве были еще свежи в памяти у всех: как триста тысяч лучших воинов дома Цзычуаня потерпели поражение на берегу Красного озера в провинции Юнь. Они едва не потеряли всю армию!

И ректор академии, и верховное командование направили вслед за Стирлингом несколько срочных посланий с приказами соблюдать осторожность! В их глазах поход в самое сердце территории повстанцев всего с тридцатью тысячами человек был чистым самоубийством! И дом Цзычуань не мог позволить себе повторения битвы у Красного озера!

Однако обычно осторожный и послушный Стирлинг действовал совершенно нехарактерно для себя, отвечая лишь короткими сообщениями: «Возможности в битве мимолетны. Когда генерал вдалеке от битвы, он не должен подчиняться всем приказам императора. [1]» Как будто он был так торопился, что у него даже не было времени объяснить.

В то время во всей столице только Цзычуань Сю и Ди Лин понимали намерения Стирлинга:

Во-первых, из-за стремительного развития восстания на Дальнем Востоке Дальневосточная армия, насчитывавшая более миллиона солдат, словно в одночасье рухнула. Было очевидно, что значительное количество местных гарнизонов и пограничных частей все еще действовало в контролируемых повстанцами провинциях, но, к сожалению, они были отделены или окружены повстанческими войсками. Если ему удастся связаться с ними и перегруппироваться, он сможет не спеша и постепенно создать внушительную силу.

Во-вторых, под контролем дома Цзычуань все еще находились две провинции, Деджа и Ирия. Большинство населения в этих двух провинциях составляли люди, и поэтому они не поддавались влиянию восстания. От пленников-мятежников Стирлинг узнал, что предатель Лэй Хун уже направляется в Деджу с пятнадцатью дивизиями под своим командованием. Независимо от стратегической или гуманитарной точки зрения, долгом Стирлинга было спасти пять миллионов граждан, проживающих в этих двух провинциях, которые остались верны дому Цзычуань, несмотря на плотное окружение повстанческой армией.

В-третьих, и это самая важная причина, пара сотен тысяч повстанческой армии после своего поражения в форте Уоррене теперь были похожи на обожженного ребенка, боящегося огня. Скорее всего, они побегут при первом же признаке беды. По словам Цзычуань Сю: «Тот, кто не воспользуется ситуацией, — чертов идиот!»

Стирлинг прекрасно понимал, как трудно снова подвернется такая возможность. Если он позволит этим сотням тысяч повстанческой армии отдохнуть, перегруппироваться и снова напасть на них. Ситуация на Дальнем Востоке, вероятно, затянется на месяцы, если не на годы. Когда и дом Цзычуань, и повстанческая армия ослабят друг друга, если дом Лю Фэна или Империя демонов решат прийти и испортить праздник, Дальний Восток навсегда будет потерян для дома Цзычуань!

Однако, учитывая количество войск, имеющихся в распоряжении Стирлинга, окружить и

полностью уничтожить противника было просто нереально. Кроме того, если загнать животное в угол, оно укусит! Поэтому, если у огромной повстанческой армии не останется места для бегства и она решит сопротивляться, тридцать тысяч кавалеристов не будут иметь ни единого шанса! Но потом Стерлинг вспомнил, как шесть лет назад Цзычуань Сю победил Лю Фэн Си Шаня в столице...

Каждый раз, когда повстанцы останавливались на отдых или еду, преследующие силы Стерлинга появлялись за их спиной, и несколько тысяч стремительных сабель оказывались между мятежниками и их едой. Армия мятежников могла быть большой, но после сокрушительного поражения присоединение к другой битве было последним, о чем они думали. И вот, «вжик», пара сотен тысяч мятежников мгновенно разлетелись по сторонам.

Кавалерия Стерлинга тоже не пыталась их остановить, сосредоточив свое внимание только на тех, кто решил остаться и сражаться. Не то чтобы таких идиотов было много, но вскоре их не осталось совсем! Для повстанцев также было большим утешением, что Стерлинг пытался выследить только тех, кто остался позади, потому что для повстанцев это означало, что им не нужно убегать от всадников самим по себе, им просто нужно было опережать своих!

После того, как это повторялось много раз, бегство при виде всадника Стерлинга быстро стало условным рефлексом.

Когда это стало привычкой, начали проявляться закономерности:

Лучшим временем для нападения была предрассветная пора, потому что тогда воздух был свежим и они сами были отдохнувшими. Для пробежки это было самое лучшее время. Кроме того, пробежка по утрам повышает аппетит и приносит много другой пользы для здоровья....

Нападение во время ужина было... допустимо. Пять тысяч всадников-людей с боевыми кличами гнались за ними, а сотни тысяч мятежников разных рас топтали друг друга, пытаясь убежать, держа в руках миски и столовые приборы. Из-за всех возможностей для тренировки, которые у них были, некоторые даже научились есть и бежать одновременно...

«Что мы действительно не выносим, так это если Стерлинг нападает после ужина!» — заявили повстанцы: «Это самый бесчеловечный поступок! Когда вы только что набили себе брюхо и вам пришлось бежать целую милю, вы даже представить себе не можете, как это больно?!»

И это происходило все время, когда бегущий солдат-повстанец внезапно падал на колени, крича от боли. Поскольку диарея и аппендицит были так распространены среди мятежников, иногда они даже заставляли преследующих всадников врасплох и сбивали их с ног, и чья это была вина...

Было бы даже неплохо, если бы это происходило только во время еды, но, честно говоря, Стерлинг придумал новый смысл фразе «убедитесь, что о них позаботятся». Каждое утро он приходил и говорил «Доброе утро», каждый полдень он «наносил им визит», каждый полдень он появлялся, чтобы «поздороваться», а каждую ночь он говорил им «Спокойной ночи!»! Даже после полуночи он все еще выражал свою «заботу», убедившись, что все могут хорошо

выспаться. Конечно, способ, которым он проявлял свою привязанность и дружелюбие, возможно, был несколько грубоват, с несколькими тысячами размахивающих сабель и тому подобное.

По мере того, как погоня продолжалась, атаки Стерлинга также становились более частыми, часто когда одна группа только прошла, другая уже появилась. В результате многие изнуренные повстанцы предпочли бы, чтобы их взяли в плен, чем продолжать бежать. Многие из них задавались вопросом: «Почему армия Стерлинга никогда не устает?»

Стерлинг разделил свои тридцать тысяч кавалеристов на шесть групп по пять тысяч всадников в каждой и приказал им атаковать по очереди. Вот почему, когда группа атаковала, у них хватало выносливости, чтобы пройти этот путь. Он даже дал каждой группе конкретную инструкцию: «Никогда не преследуйте слишком далеко, всегда оставляйте им дорогу для спасения». Благодаря превосходным передвижным возможностям кавалерии, сколько бы и как далеко не бежали повстанцы, силы Стерлинга всегда находились бы в пределах десяти километров от них.

Преследуйте превосходящие силы и делайте это, разделяя меньшую силу на еще меньшие группы. Маневр, который напрямую противоречил всему, во что верили военные стратеги.

Если бы этот манёвр не выполнил такой известный генерал, как Стерлинг, и даже если бы он увенчался успехом, командующий, о котором идет речь, наверняка был бы осужден как идиот всеми военными экспертами и историками. Но теперь они могли только принять это как чудо, а затем лихорадочно попытаться найти теоретическую основу, чтобы поддержать тактический гений командира Стерлинга.

Так или иначе, что бы ни случилось, случилось. Некоторые историки даже утверждали, что это было неизбежно.

Но Стерлинг знал, что погоня только казалась опасной, на самом деле она была малорискованной. Даже если бы повстанцы захотели устроить ловушки или засады, у них не было бы шанса сделать это под его неустанными атаками. Смешанная по расовому составу повстанческая армия должна была отбиваться более чем от дюжины атак в день, досаждавших им, когда они ели и когда они спали. С каждым днем их количество становилось меньше, а моральный дух слабел. Кроме того, чтобы продолжать бежать, у них практически не оставалось времени или энергии для чего-либо другого!

Это длительное преследование привело их через шесть провинций, более трех тысяч километров и длилось двадцать три дня. Позже оно стало известно как «Великая гонка Дальнего Востока».

12 августа у подножия форта Уоррен собралось около «миллиона» повстанцев. (По грубым подсчетам заместителей командующих Дальневосточной армией Ло Бо и Линь Биня, их было не менее семисот тысяч.) К 9 сентября обратно вернулось менее ста тысяч, с опущенными хвостами, туда, где и начался мятеж, в провинцию Юнь.

Таким образом, Стерлинг полностью отомстил за поражение дома Зичуань у Красного озера. Он очистил большую повстанческую армию слой за слоем.

Среди множества взглядов над Дальневосточным регионом континента взошла новая сияющая звезда! Его ослепительное сияние достигло крепости Демонического бога Демонической империи на востоке и Большой площади столицы дома Лю Фэн на западе. От Верховного командования Ди Ду до каждого тайного убежища Повстанческой армии на Дальнем Востоке... Все, везде на континенте, с разными эмоциями, на всех языках и во всех смыслах, неоднократно произносили одно и то же имя: «Тигр Зичуань - Стерлинг!»

Императорский календарь, 779 год, начало сентября, после получения приказа Верховного командования о призыве первая группа из пятидесяти шести провинций дома Зичуань, двести тысяч призывников собрались в столице - Ди Ду и вскоре будут отправлены на Дальневосточный фронт.

Собравшиеся солдаты и офицеры прибыли из всех провинций и районов Дома. У некоторых был странный местный говор, у некоторых были ужасные волосы на лице, а большинство носили всевозможные странные наряды. Бедняки из города одевались как нищие; сыновья богачей были элегантно одеты в дорогие костюмы, как будто они пришли сюда на банкет, а у сельских аристократов были свои ржавые доспехи, настолько древние, что их легко можно было бы принять за что-то украденное из музея, даже их боевые кони были настолько старыми, что имели бы право на медсестру, если бы таковые существовали для лошадей. Зичуань Сю впервые увидел, как старый человек тащит за собой пятидесятикилограммовый мачете, задыхаясь. Его нечестивый ум быстро сработал: «Интересно, что он собирается делать с этим мачете? Он даже не смог бы убить себя этой штукой, если бы попытался!»

Новые рекруты пришли на церемонию военного смотра с ужасными знаменами, такими как «Гвардия жнецов», «Мстители-скелеты», а ребята из Роксвида даже называли себя «Безжалостными добровольцами».

Судя только по внешнему виду, они были как минимум в миллион раз храбрее солдат, сражавшихся на передовой, и во много раз увереннее, весь день размахивая своими палками и капая презрением: «Забудьте об этих дикарях на Дальнем Востоке; они не достойны того, чтобы запачкать наши лезвия! Я могу забить их всех до смерти своей тростью в одиночку, с закрытыми глазами!»

Верховный главнокомандующий Ло Мин Хай всегда считал себя человеком утонченным и терпеливым. И прямо сейчас его самой важной задачей был осмотр новобранцев, прибывающих со всех уголков территорий Дома Цзычуань. По мере того, как не совсем ровные прямоугольные формирования проходили мимо смотровой трибуны, на пустующем плацу всегда оставались пустые ботинки. (Видимо, солдаты сзади постоянно наступают на ботинки тех, кто идет перед ними.)

У остальных официальных лиц, присутствующих на церемонии осмотра, было странное и мучительное выражение на лицах, они отчаянно пытались не рассмеяться. Только Верховный главнокомандующий — Ло Мин Хай каким-то образом сумел сохранить спокойствие, произнося речь перед бывшими владельцами этих ботинок, хваля их за усердие и альтруизм, благодаря их

за верность и храбрость и, наконец, вдохновляя их сражаться за Дом и служить во благо.

Солдаты радостно восклицали: «Да здравствует Дом Цзычуань! Да здравствует Директор!» Как будто все эти ботинки, купающиеся на солнце и заполняющие пустующий плац, как-то никогда им не принадлежали.

Ло Мин Хай, вероятно, считал себя святым прямо сейчас! Но в день десятилетия сентября, когда новобранцы из провинции Кэсан проходили мимо смотровой трибуны в повседневной одежде и курили сигары, как будто они здесь в отпуске. С «святого» окончательно слетела спесь! Даже на их знамени была краска, нанесенная пятилетним ребенком. Ему пришлось очень пристально смотреть через увеличительное стекло, чтобы различить что-то вроде иероглифа «Сэ», написанного в центре знамени...

— Кто вон тот злой старик? Он ужасно знакомый!

— Ты что, глупый? Ты что, не читаешь газеты? Это Верховный Главнокомандующий — Ло Мин Хай, человек важный!

— Серьезно? Почему мне никто не сказал, что планируется автограф-сессия в честь тура компании «Сэ»? Привел бы братишку, если бы знал! Эй, господин Верховный Главнокомандующий. Как дела?

— Смотрите все, Верховный Главнокомандующий улыбается! И его нос так смешно дергается, когда он улыбается!

— Смотрите, он пытается говорить! Его рот так открывается и закрывается, как у заглотнувшей крючок рыбы!

— Эй, чувак, куда ты?

— Впервые в столице, пойду попрошу автограф!

Сдерживая гнев, Ло Мин Хай как можно спокойнее спросил Цзычуань Сю: «Господин Сю, не могли бы вы сказать мне, что видите там внизу?» Он жестом указал на новобранцев, как на кучу собачьего дерьма, оставленную на обочине дороги.

Медленно вставая со своего места, Цзычуань Сю дал Верховному Главнокомандующему чрезвычайно обобщенное и точное описание: «Мужчины, сэр!» и быстро вышел через заднюю дверь.

Рассудительный Ло Мин Хай едва сдерживался, покосился на генерального инспектора — Ди Линя, который пришел на осмотр и сидел рядом с ним. Затем обратил свой взгляд в небо, как будто он не говорил напрямую с генеральным инспектором — Ди Линем: «Как генеральный

инспектор относится к уклонению заместителя командующего Цзычуань Сю от служебных обязанностей в отношении недавних усилий по набору?»

Ди Линь улыбнулся, сделал глоток чая и тихо сказал: «У него есть характер, мне это нравится». И покинул плац, полностью игнорируя разъяренного Ло Мин Хая, который был готов взорваться в любую секунду.

Цзычуань Сю бежал домой, как напуганный кролик, и глубоко вдыхал: «Пронесло! Ло Мин Хай чуть было не поймал меня на месте преступления!»

Цзычуань Нин протянул ему чашку горячего чая: «Говорят, у нашего Верховного Главнокомандующего, господина Ло Мин Хая, во время церемонии осмотра снова поднялось высокое кровяное давление... Конечно же, это не связано с тобой, верно, братец?»

Ну, на улице слишком жарко, а у него высокое кровяное давление. Ему действительно не следует так много работать, он должен лучше заботиться о себе!» ЗиЧуань Сю говорил с очень печальным выражением лица, в то же время тайно молясь всем божествам, независимо от того, верил он в них или нет: «Услышьте мою молитву, о, ваши могущественные боги, пусть Верховный главнокомандующий заболеет неизлечимой болезнью и больше никогда не проснётся!»

Бай Чуань вбежал в комнату: «Господин, всё плохо! Наши солдаты снова бунтуют!»

«Опять? Им не надоело это дерьмо? В понедельник они жаловались на еду, в среду — на отсутствие стриптиза. Сегодня третий раз! Мы даём им всю еду, которую они могут съесть, и бесплатные танцы на коленках каждый вечер, почему они всё ещё хотят бунтовать?»

«Дело в том, господин, что они жалуются на пропорции танцовщицы. Знаете ли... недостаточно сексуальная! Эти ублюдки даже просили меня... станцевать для них! Мы должны их сурово наказать!»

Бай Чуань был в ярости, но в то же время и смущался: «Хотя я должен признать, у этих ублюдков отличный вкус...»

«Хорошая попытка! Невероятно, они пробыли солдатами всего три дня, а теперь даже чёртовы коровы достаточно хороши, чтобы сойти за ангелов!» Игнорируя ненавистный взгляд Бай Чуаня, ЗиЧуань Сю продолжил: «Но как их командир, я обязан заботиться о них, иначе никто не будет рисковать своей жизнью ради меня в бою! Так что, Бай Чуань, разве ты не можешь пойти на небольшую жертву? Знаешь ли ты, что всё это ради высшей цели, для воцарения мира на Дальнем Востоке и спасения нашего народа от смятения...»

«Господин, в следующий раз, когда вы попытаетесь казаться мудрым и искренним, не могли бы вы при этом не пускать слюни? Вы совсем не убедительны!»

«О, меня просто тронула мысль о том, что я наконец-то сделаю что-то правильное. Так или иначе, я сделаю всё возможное, чтобы удовлетворить потребности наших храбрых воинов, которые собираются рисковать своими жизнями в бою за будущее рода ЗиЧуань! Что ещё им нужно?»

«Говорят, они хотят, чтобы госпожа Нин тоже станцевала им танец на коленках...»

«...»

«Господин, с вами всё в порядке?»

«Сообщите моему брату, Ди Лину. Скажите ему, чтобы он прислал констеблей... а ещё лучше, скажите ему, чтобы он убил их всех!»

...

На второй неделе после битвы в форте Уоррен, после прибытия Стерлинга, командующий Мин Хуэй привёл могущественную армию Чёрного знамени с западной границы через форт Уоррен на Дальний Восток.

Предполагалось, что армию Чёрного знамени возглавит командующий Фан Цзин, но из-за его внезапной болезни армию вместо него возглавил командующий пограничной армией Мин Хуэй.

С момента его прибытия на Дальний Восток Верховное командование столкнулось с двумя крайне противоположными проблемами: одной была безрассудная экспансия Центральной армии Стерлинга на севере; другой — вялое выступление армии Чёрного знамени Мин Хуэя на юге.

Прошло две недели, но сто двадцать тысяч солдат армии Чёрного знамени всё ещё ползали по Фелмику, провинции к востоку от форта Уоррен. Он мог провести дни в погоне за небольшой группой повстанцев, делая шаг вперёд и два шага назад. ЗиЧуань Сю характеризовал скорость Мин Хуэя так: «Здоровый улитка могла бы превзойти его в любой день недели!»

Верховный главнокомандующий Луо Мин Хай, вероятно, хотел бы лично выпороть его, если бы мог, но у сэра Мин Хуэя было предостаточно оправданий: «Если безрассудное продвижение приведёт к другой битве у Красного озера, кто понесёт ответственность?»

Дело было в том, что никто не мог. Поэтому Мин Хуэй чувствовал себя ещё более оправданным в своих действиях. Когда он сражался с ужасающей Лю Фэн Шуан, он был настолько излишне осторожен и готов быстро сбежать, что ни разу не «проиграл ей битву». На этот раз он стал ещё более осторожным: каждый холм мог быть убежищем мятежников, каждый лес — засадой, а каждая дорога — ловушкой. Даже за камнем у обочины дороги могли прятаться несколько мятежников.

С другой стороны, он не был совсем уж неактивным. Однажды он столкнулся с дюжиной мятежников, разбитых в Форте Уоррене, и преувеличил, будто обнаружил основную часть вражеских сил в количестве двухсот тысяч человек! На другой день змея укусила охранника, и на следующий день Мин Хуэй отправил отчет, сообщив Верховному командованию о вторжении огромного Змея! Конечно, многие из его людей были ранены в ходе нападения, поэтому ему пришлось замедлиться еще больше, чтобы восстановить силы.

Даже Верховное командование не знало, что делать с боевыми отчетами Мин Хуэя. В своих отчетах Мин Хуэй утверждал, что убил миллион змей в первый день, два миллиона зверолов — во второй и три миллиона — в третий... Сопоставление их отчетов заставило внезапно померкнуть значимость крупной победы Стерлинга в Форте Уоррене. Даже если сложить все население Дальнего Востока и умножить его на два, все равно получится меньше, чем общие потери, которые, по словам Мин Хуэя, он нанес за последние две недели. Тем не менее, он все еще не мог продвинуться вперед, потому что еще «пять миллионов» повстанцев внезапно

взялись из ниоткуда, заблокировав ему путь.

С другой стороны, боевые отчеты Стирлинга были гораздо более правдоподобными... и более горькими тоже...

Всеблагороднейшему Верховному Главнокомандующему, Сэру Ло Мин Хаю:

15 сентября Центральная армия прибыла на пляж Красного озера в провинции Юн.

- Исполняющий обязанности Главнокомандующего Центральной армией, Стирлинг.

Пляж Красного озера в провинции Юн не был ни местом стратегического значения, ни военным оплотом, но исполняющий обязанности Главнокомандующего Стирлинг (он не знал, что он был официально повышен в должности) счел целесообразным сделать исключение, выделив немного времени, чтобы написать отчет Верховному командованию, несмотря на свой напряженный график. Это ясно показывало, какое важное историческое значение имело для Дома Цзычуань восстановление контроля над этой территорией.

Императорский календарь, 779 год, лето, кто бы мог подумать, что место столь незначительное, что его даже не отметили на картах, вызовет столько кошмарных воспоминаний для Дома Цзычуань. Месяц назад здесь, на узкой равнине, разделенной рекой и холмами, триста тысяч ветеранов Дальневосточной армии вступили в бой с пятьюстами тысячами повстанцев и ста пятьюдесятью тысячами армии предателя Лэй Хона в беспрецедентной битве огромных масштабов.

Королевский историк Тан Чуань однажды дал следующую оценку битве у Красного озера: «Здесь Дом Цзычуань потерял более двухсот тридцати тысяч верных и закаленных в боях солдат. Их двухсотлетнее господство над Дальним Востоком, семь поколений чести и мечтаний, фундамент, который в конечном итоге позволил бы им объединить континент Западной реки... все было безжалостно потоптано железными копытами армии Лэй Хона в тот момент, когда он появился на пляже Красного озера. Поражение Красного озера сильно ослабило военную мощь Дома Цзычуань, что привело к серии катастрофических событий, которые вскоре последовали за этим. Битва у Красного озера стала переломным моментом, превратившим Дом Цзычуань из сильного в слабого».

Стирлинг был в шоке от резни, развернувшейся перед ним.

У подножия холма простиралась на многие мили огромная равнина, покрытая телами и сломанными доспехами. Гордость Дома Цзычуань, закованные в доспехи копейщики, лежали полностью беззащитными. Он не знал, было ли это из-за ненависти или из-за наслаждения, победитель битвы у Красного озера не нашел в себе доброты, чтобы похоронить павших. Даже на расстоянии в несколько миль от сильного трупного запаха в воздухе уже нельзя было дышать.



Море сломанных копий простиралось до самого горизонта, где далеко впереди все еще развевалось искореженное знамя. На его изорванной ткани, развевавшейся под ночным ветром, можно было прочесть слова «Дальневосточная армия — XX кавалерийская дивизия». Несмотря на то, что знамя все еще развивалось, знаменосец давно истлел и превратился в кости.

Повсюду огромные стаи стервятников терзали мертвых, громко вопя, словно празднуя свою удачу. Внезапно гнев вспыхнул внутри Стерлинга, и он выпустил шквал стрел в сторону моря кричащих стервятников, быстро сбив несколько из них, и только тогда отпустил тетиву.

Высокопоставленные офицеры, стоявшие позади него, с беспокойством наблюдали за обычно спокойным и уравновешенным молодым командиром, не понимая причины его внезапной вспышки.

"Мы остановимся здесь. Захороним наших товарищей. Они с честью погибли за Дом Цичуань, и мы не оставим их лежать на открытом месте".

Волна раздражения охватила офицеров. Мастер знамени, отвечавший за третью кавалерийскую дивизию, Ма Юань, выступил вперед: "Сэр, это отнимет у нас много времени. Так мы не догоним бунтовщиков".

Стерлинг холодно ответил: "А если не догоним?"

Десять дней назад 20-тысячная кавалерия Центральной армии Стерлинга преследовала бунтовщиков в провинции Юнь.

Перейдя провинциальные границы, повстанцы скрылись в горах, как утки в воде. В конце концов, это был их дом. Они знали окрестные холмы и леса как свои пять пальцев.

Напротив, крутые горы и каменистые тропы провинции Юнь значительно осложняли жизнь преследующей людской кавалерии. В сочетании с незнанием местности всадники часто оказывались в утреннем тумане, блуждая по запутанным горным тропам, и после долгого дня в седле оказывались лишь напротив своих вчерашних костров.

Единственным источником указаний для них была книга, называемая "Путеводитель по Дальнему Востоку", изданная двадцать лет назад. Место, отмеченное дорогами, оказалось рекой; место с мостами оказалось не более чем несколькими сломанными опорами; а место, которое называлось идеальной площадкой для лагеря с прекрасным видом, оказалось болотом с зыбучими песками. Если бы они не проявили расторопность той ночью, двадцать тысяч кавалеристов были бы сейчас похоронены под землей.

К большому разочарованию Стерлинга, ошибочный путеводитель оказался пиратской копией!

Стерлинг, естественно, рассматривал вариант найма местного проводника, но сколько бы

денег он ни предлагал, сельские жители неизменно смотрели на него как на идиота (или считали его идиотом). В любом случае, этот взгляд заставлял его кожу ползти.

В конце концов, один старый Зверочеловек "вызвался" быть его проводником. Однако это предприятие быстро привело к тому, что целый отряд всадников оказался погребенным под провалом, не выжив ни одного. Поэтому Стерлингу ничего не оставалось, как отказаться от мысли полагаться на помощь местных жителей. В результате он был вынужден беспомощно наблюдать, как силы бунтовщиков все дальше и дальше удаляются от него, медленно исчезая на горизонте...

Еще одной важной причиной медленного продвижения Центральной армии была крайняя враждебность местного населения.

Хотя восстание на Дальнем Востоке началось в провинции Чаро, именно в провинции Юнь оно обрело силу. Когда известие о восстании достигло провинции Юнь, все местное население откликнулось так, словно говорило одним голосом. Вооружившись своим ржавым оружием, они восстали против местных гарнизонных войск и окружили столицу провинции, перебив сотни тысяч солдат-людей и мирных жителей, оказавшихся в ловушке внутри.

Когда губернатор провинции, Мастер Красного знамени Ян Ли сдался после того, как повстанцы прорвали ворота, они подвергли его трехдневным пыткам, прежде чем наконец даровали ему милость смерти. Вероятно, будет верным сказать, что на тот момент там не осталось никого, кроме повстанцев и их родственников.

Несмотря на то, что Стерлинг был морально подготовлен к трудностям, он и представить себе не мог, насколько горячими окажутся встречи с горожанами Юня... В течение двенадцати часов разведгруппы атаковали более ста раз. Засады, ловушки разных групп повстанцев - от небольшого полка из более чем тысячи человек до группы самоубийц из одного-двух человек.

Из кустов и с деревьев летели стрелы и копья, пока они медленно продвигались по вражеской территории. При каждом разбивании лагеря местные жители начинали трубить в рога и бить в барабаны вокруг лагеря, сея панику. Охрана никогда не могла найти источник шума, а иногда они и вовсе не могли найти дорогу назад.

Когда Стерлинг увидел пленных, он был шокирован. Почти все они были пожилыми мужчинами, женщинами или детьми. Среди них не было ни одного молодого человека. Куда делись их молодые мужчины? Ответ был очевиден.

Только тогда Стерлинг понял, как хитроумный Луо Бо и храбрый Линь Бин, вместе со всеми этими закаленными в боях солдатами Дальневосточной армии, могли потерпеть такое сокрушительное поражение на пляже Красного озера.

Когда целая раса решила сражаться с вами до конца, их разрушительные возможности становятся чем-то невообразимым.

Стерлинг однажды задал себе вопрос: "Почему после двухсот лет благодеяний, которыми Дом Зи Чуань одарил эту землю, каждая душа, живущая на ней, все еще хочет сражаться с нами до последнего вздоха? Что мы сделали не так?"

Но его непоколебимая лояльность и прекрасное самообладание быстро остановили поиски ответа.

Стерлинг всегда считал, что "солдат не должен заниматься политикой. Когда армия имеет собственное мнение, это смерть для страны".

...

Ма Юань молчал, потому что знал, что сегодня Стерлинг в плохом настроении. Он быстро обменялся взглядами с другими офицерами, напоминая им, что сейчас было бы неразумно вмешиваться. Вот только никто не мог понять, о чем думал Стерлинг: если мы не преследуем их, значит ли это, что мы должны отступить?

Это был не первый раз, когда офицеры предлагали это - их одинокая армия кавалерии слишком глубоко проникла в тыл врага. Они оставили пехотные дивизии и тыловые корпуса далеко позади, в нескольких тысячах километров от текущего положения. В радиусе тысячи километров, кроме повстанцев, были только повстанцы, бесконечные и разнообразные повстанцы. Дикие и кровожадные зверюги, хитрые змеи, коварные гномы, злобные демоны и дикие драконы...

Единственное, что заставляло армию двигаться вперед, была непоколебимая решимость Стерлинга. Будучи уважаемым и престижным командующим Центральной армии, он жил и питался как простой солдат. Он ел неаппетитные сушеные овощи, спал в грязной траве и сражался бок о бок с любым другим солдатом. Каждый вечер он допоздна разбирался с важными делами, а иногда и сам вставал на охрану. Каждый вечер он ложился последним и первым вставал на рассвете.

Солдаты любили его, они восхищались им, они выполняли его приказы в точности и беспрекословно.

Беспокоились именно офицеры. Как бы ни был высок моральный дух, одну войну им не выиграть. Многие пытались объяснить ему это в течение нескольких недель.

"Сэр, пора отступить!"

"Мы сделали больше, чем кто-либо мог попросить. Мы разгромили сотни тысяч мятежников. Мы сделали достаточно!"

"Сэр, дайте людям отдохнуть. Мы сражались почти пятьдесят дней без перерыва и прошли более пяти тысяч километров!"

Каждый раз Стерлинг внимательно выслушивал их мольбы и от всего сердца соглашался с ними: "Да! Вы правы! Я согласен со всем, что вы сказали!"

На следующее утро, когда Стерлинг отдавал новые приказы, он всегда небрежно отмахивался от всего, говоря: "Пойдем тем же путем".

Ситуация, естественно, вызвала яростные жалобы его офицеров. Одни считали, что Стерлинг чрезмерно суров, другие даже полагали, что он играет жизнями солдат и пользуется их мучениями как ступеньками на пути к богатству и престижу. Даже верховный главнокомандующий Ло Мин Хай много раз предупреждал его в письмах: «Сэр Стерлинг, ваша безрассудность и упрямство поставили под угрозу наши военные действия на Дальнем Востоке. Если под вашим командованием произойдет еще одна Битва у Красного Озера, я вас уверяю,

что военный трибунал будет не самым страшным из ваших беспокойств!» Даже не обращая внимания на непонимание собственных офицеров, а также угрозы Верховного Командования, Стирлинг не проронил ни единого слова в свое оправдание. Для него ценой его личной чести было абсолютное безразличие к происходящему. Единственным вопросом, мучившим его разум, был следующий: почему после стольких побед, после победы над одной повстанческой армией за другой, ситуация на Дальнем Востоке не улучшалась ни на йоту. На Дальнем Востоке еще царит хаос; мятеж не подавлен. Все было как в письме Ди Лина: «Сотня побед не изменят ход событий, а всего одно поражение может все испортить». Его положение напоминало хождение по лезвию ножа. Ему нужно было сдерживать превосходящие силы противника при практически полном отсутствии собственных войск, удерживая от восстания сотни тысяч мятежников и препятствуя миллионам новых присоединиться к Восстанию. Он должен был побеждать, он не мог позволить себе поражение! Хотя Стирлинг и разгромил уже сотни тысяч мятежников, он знал, что на самом деле все это неважно: мятежники были как девятиголовая гидра: отрежешь одну голову, на ее месте тут же вырастает новая! Их легко было победить, но с наступлением прилива они возвращались еще быстрее. Так что же ему нужно было сделать, чтобы выиграть эту войну? Он непоколебимо верил, что единственный способ по-настоящему остановить восстание заключался в том, чтобы вырвать его с корнем, уничтожить все и сразу! Повстанческая армия могла быть разбита и казаться слабой, но Стирлинг знал, что ее силы на самом деле так и не уменьшились. Они были лишь на время ошеломлены его быстрыми атаками! Если он позволит им оправиться, Дом Zijuan заплатит в сотни раз больше кровью, если хоть когда-нибудь захочет подавить восстание. Директор Зичуан Шэнь Син был единственным, кто понимал Стирлинга в то время. В своем письме к нему он написал всего несколько слов: «Ваши трудности я понимаю. Ваше сердце я знаю». Когда Стирлинг впервые прочитал это письмо, он расплакался: он никогда не ждал наград за свои усилия; он пытался лишь служить Дому так, как считал нужным, и, как минимум, Директор понимал его благородные намерения. Иногда в жизни нужно просто найти друга. Опасность на поле боя, бесконечная верность, неустанные усилия и боль от непонимания — вдруг все это обрело смысл. Немного помедлив, офицер, отвечающий за первый кавалерийский полк, Вэн Хэ, наконец задал тот самый вопрос, который все хотели задать: «Сэр, должны ли мы...» Стирлинг ничего не ответил, а просто повернулся к морю солдат в черном, выстроенных шеренгами позади него. Они были голодны и измождены. Их рукава были порваны, а форма едва держалась на теле. Походка их напоминала призраков, а дрожащие руки с трудом удерживали копья. Их исхудалые тела, облаченные в тяжелые доспехи, заставляли всадников казаться скелетами-призраками. По сравнению с отрядами возбужденных солдат в сверкающих доспехах, в каких они покидали Ди Ду, они были совершенно другими. Стирлинг внезапно осознал, насколько малочисленной стала его армия!

Окинув взглядом юные и изможденные лица с решительными глазами, он не мог не думать о том, сколько молодых людей такого же возраста и с такой же решимостью навсегда останутся здесь, на земле, далекой от их скорбящих близких. В среднем, вдоль трехтысячекилометровой дороги от подножия форта Уоррен до Пляжа Красного озера в провинции Юнь каждые пятьдесят метров был установлен крест в память о сыне Ди Ду.

Стирлинг чувствовал себя преследуемым мыслью: какое право он имеет просить этих парней отдать свои жизни за его упрямство?

Он воспользовался их любовью и преданностью и привел их к смерти. Было ли это преступлением?

За мечту о том, что однажды Дом Зичуань объединит весь край, за дело восстановления мира на Дальнем Востоке, он отдал все, что у него было. Не принес ли Центральный флот слишком большие жертвы?

Верно ли его решение, и действительно ли будет решительное сражение, которое положит конец войне на Дальнем Востоке?

Сможет ли такая армия, как эта, выдержать еще один бой?

Он переместился, чтобы лицом к лицу посмотреть на всю армию. Его глубокий хриплый голос ясно прозвучал в ушах каждого солдата.

«Перед нами покоятся наши товарищи из Дальневосточной армии. Они сражались храбро и мужественно. Они умерли с честью во имя Дома Зичуань. Сейчас мы должны похоронить их тела, а затем.....» — Стёрлинг зажмурил глаза, а слезы текли по его щекам: «Отступаем».

Волна беспокойства прокатилась по солдатам, но их превосходная дисциплина удержала их от каких-либо звуков.

«За последний месяц и более вы прошли через семь крупных сражений, двадцать пять мелких и две сотни одиннадцать стычек. Вы ни разу не потерпели поражение! Вы победили врагов в двадцать раз больше вас! Ваши действия сделали честь Дому Зичуань. Вы принесли почет ястребу, парящему над знаменем Дома Зичуань во всем мире! Ваша молодость не осталась незамеченной, ваша кровь не пролита напрасно. Верьте в Дом Зичуань, ведь он никогда не забудет храбрость и преданность, которые вы проявили по сей день! Я умоляю каждого из вас продолжать свои усилия в это кризисное время. Дом Зичуань нуждается в вас! Настоящим от имени Дома Зичуань я приветствую вас; вы хорошо потрудились, братья! Дом Зичуань благодарит вас!»

Стёрлинг торжественно отдал честь всем, кто находился под его командованием, и ответ пришел как приливная волна: «Мы будем следовать за вами на край света!»

По императорскому календарю, в 779 году, 15 сентября Центральный флот Стёрлинга взял под свой контроль Пляж Красного озера в провинции Юнь.

В тот же день Стёрлинг приказал отступить от Красного озера, покинув провинцию Юнь и, таким образом, положил конец безумной погоне по Дальнему Востоку.

21 сентября ожившая армия повстанцев начала яростную контратаку, пытаясь вновь охватить Дальний Восток своей яростью. После перегруппировки и подкрепления армия Стёрлинга укрепилась и заперла большую дорогу в горы Юня. Схватив армию повстанцев за шею, Стёрлинг решительно запер армию повстанцев в провинции Юнь.

И вскоре между пятидесятитысячной Центральной армией и двухсоттысячными повстанцами развернулась долгая затяжная борьба за контроль над горами Юня. Если бы повстанцы прорвались, они бы получили доступ к огромным открытым равнинам Дальневосточных регионов.

Высшее командование немедленно отдало приказ с настоятельной просьбой Мин Хуэя любой ценой подкрепить Стёрлинга. Они не могли позволить себе допустить, чтобы основная часть армии повстанцев покинула Юнь. В то же время Высшее командование приказало первой группе недавно набранного ополчения выступить на Дальний Восток.

16 сентября, в городе Ди Ду в штормовую дождливую ночь в особняке Зичуань Нина неожиданно появился незванный гость.

Новичок прямо спросил Зичуань Нина: «Здесь живет Сю?»

Цзычуань Нин встревоженно уставился на незнакомку. Она была грациозной и зрелой женщиной. От того, как она назвала Цзычуань Сюя по имени, Цзычуань Нин не мог не спросить: «Какие у вас с ним дела...».

«Ну. Я его бывшая возлюбленная. Я пришла, чтобы заставить его заплатить за содержание ребенка и компенсацию за вред, который он нанес моей молодости».

Чашка с чаем в руке Цзычуань Нина упала на пол.

Увидев побледневшее лицо Цзычуань Нина, незнакомка широко улыбнулась и сказала: «Шучу. Но вам действительно нужно поработать над своим чувством юмора!»

Прежде чем пульс Цзычуань Нина и его удивленный взгляд успели вернуться в норму, незнакомка уже поставила свою чашку с чаем. Она почтительно спросила: «Вы, должно быть, госпожа Нин?».

«Прийти сюда так поздно без предварительного уведомления, полагаю, с моей стороны было довольно самонадеянно. Я заместитель командующего Дальневосточной армией — Линь Бин. Я здесь по срочному делу к господину Цзычуань Сюю. Вы могли бы его позвать?».

Цзычуань Нин облегченно выдохнул, но спокойствие продлилось лишь секунду, прежде чем Линь Бин вернула его в ад своими следующими словами: «На этот раз я здесь по служебным делам. Алименты и все остальное, что он мне должен, придется подождать».

...

Цзычуань Нин встала и сказала слугам разбудить Цзычуань Сюя, пробормотав про себя: «Теперь я наконец понимаю, почему люди на Дальнем Востоке захотели восстать...».

Как только Цзычуань Сюй увидел Линь Бин, он инстинктивно выпрямился и отдал честь. Когда он еще служил в Дальневосточной армии, он всегда оказывал особое уважение своей откровенной и радостной женщине-командующему.

Линь Бин ответила тем же жестом: «Не осмелюсь, господин Сюй. Мы с вами одного ранга; мы оба — заместители командующих. Вам не нужно быть таким скромным».

Несмотря на то, что по бумагам они оба занимали одинаковое положение, между ними была большая разница. Линь Бин была заместителем командующего с реальной властью. Она командовала более чем ста тысячами солдат и отвечала за благополучие миллиона людей. Она была буквально вассальным лордом. Для сравнения, такой заместитель командующего, как Цзычуань Сюй, должен был каждый месяц беспокоиться о том, заплатят ему или нет.

Цзычуань Сюй искренне ответил: «Неважно, где и когда, вы всегда мой командующий офицер».

Линь Бин громко захлопала в ладоши: «Вы не забыли свое прошлое, это хорошо!» Она сразу же перешла к делу: «Мне нужно, чтобы вы помогли мне спасти Ло Бо. У него большие неприятности!».

Во время восстания на Дальнем Востоке Ло Бо и Линь Бин пришлось отбиваться от почти миллиона повстанцев с их ослабленной и раненной армией в форте Уоррен. Они отчаянно ждали прибытия подкреплений, до такой степени, что были готовы лишиться себя жизни, чтобы сохранить честь семьи. Наконец, подкрепление пришло в виде Центральной армии Стирлинга, но вместе с ними пришел следственный отряд Министерства надзора. Кучка хладнокровных и жестоких офицеров армии пыталась расследовать причину поражения в битве у Красного озера. Чтобы не впутать никого другого, штабной офицер Дальневосточной армии Ло Бо взял всю вину на себя.

Несмотря на жалобы нескольких офицеров и протесты многих солдат, судебные приставы все равно вытащили тяжело раненого Ло Бо из постели и приковали его в цепи, эскортируя его в Ди Ду на военный трибунал.

Естественно, Линь Бин пошла по их стопам и тоже прибыла в Ди Ду, надеясь оправдать Ло Бо. Однако после смерти командующего Ге Ина Сина подразделение Дальневосточной армии потеряло своего самого важного и уважаемого представителя, который представлял бы их в сердце принятия решений, Главном командовании.

Линь Бин продолжала в ярости: «Прямо сейчас Дальневосточная армия как незаконнорожденный ребенок. Никто не заботится и все думают, что могут нас запугивать!»

Тем более после того, как стало известно, что за обвинением стоит Верховный главнокомандующий — Ло Мин Хай, никто не захотел помогать.

Вычерпав все варианты, Линь Бин внезапно вспомнила, что у Ло Бо был подчиненный, который вечно преследовал его, чтобы выпить и служил заместителем командира здесь, в Ди Ду. Несмотря на то, что она слышала, что и у него дела идут не очень, у нее не было других вариантов, так что стоило попробовать...

У Зичуань Сю было серьезное выражение лица. Ло Бо был его прямым командиром, когда он служил на Дальнем Востоке. Тогда, когда Ян Мин Хуа хотел его убить, именно Ло Бо, Гэ Ин Син и другие офицеры Дальневосточной армии защитили его, наивного подростка. Причина, по которой он смог подняться из изгнанника до высокого звания знаменосца за шесть лет, помимо его собственных заслуг, покровительство Ло Бо также было важным фактором.

Другими словами, кроме командующего Гэ Ин Сина, который недавно скончался, он был обязан за многое именно Ло Бо.

Зичуань Сю решительно ответил: "Я всем обязан господину Ло Бо. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы добиться его освобождения!"

Линь Бин была поражена решительным взглядом Зичуань Сю, и волна тепла охватила ее. Она прошла через многих из них за последние пару дней, и каждый раз ее держали на расстоянии вытянутой руки. Каждый раз, когда она просила помощи, она натывалась на стену оправданий:

"Ну... насчет этого... дай подумаю".

"Верьте в Верховное командование и ректора. Они не посадят невинного в тюрьму! Скоро его выпустят, я уверен".

Некоторые сделали ей саркастическое замечание: "Триста тысяч потерь. Если Ло Бо не виноват, то вы виноваты? Вам лучше сначала позаботиться о себе!"

А некоторые даже посмеялись над ней: "Кто такой Ло Бо для вас? Почему вы так стараетесь спасти старого пердуна...?". Затем они сопроводили свое предложение похотливым взглядом, оценивая пленяющую фигуру Линь Бин. Один даже подошел ближе: "Заместитель командира Линь, я чувствую, что нам стоит познакомиться... Если вы согласны, я обещаю помочь Ло...". Не успел он договорить, как два сантиметровых каблука Линь Бин уже врезались ему в лицо.

За последние несколько дней это был первый раз, когда она получила такое решительное подтверждение. Несмотря на то, что оно исходило от бессильного и незначительного заместителя командира, оно оказало ей большую моральную поддержку.

Зичуань Сю и Зичуань Нин с удивлением посмотрели на водянистые блески в глазах Линь Бин. Зичуань Сю растерянно спросил: "Госпожа, вы..."

Он не знал, что сказать.

Как женщина, Зичуань Нин, хотя и не знала причины всего этого, прекрасно понимала, что сейчас чувствует Линь Бин. Она быстро прервала линию вопроса своего брата, протянув ей платок.

Линь Бин взяла платок и вытерла глаза, быстро приходя в себя: "Простите. Что-то попало мне в глаз".

Зичуань Сю и Зичуань Нин кивнули, принимая ее неуклюжее оправдание.

Линь Бин продолжила на эту тему: "Сю, Ло Бо не ошибся в вас. Господин Гэ Ин Син не ошибся в вас. Он возлагал на вас большие надежды". Когда она произносила имя покойного командующего Дальневосточной армией, в ее глазах было не только ностальгическое восхищение этим человеком, но и взгляд необъяснимой печали. Зичуань Сю про себя подумал:



Линь Бин и Гэ Ин Син, вероятно, были больше, чем просто соратниками...

"Когда господин Гэ Ин Син умер, я был с ним все время. Однажды он упомянул ваше имя. Он сказал, что только вы сможете принести мир и процветание дому Зичуань на следующие сто лет". Зичуань Сю был польщен, но ответил скромно: "Господин Гэ Ин Син был слишком добр, я вряд ли на это способен". Однако его широкая довольная улыбка выдала его намерения, не говоря уже о том, что он продолжал делать глазами намеки, намекая Зичуань Нин: Видишь, какой я замечательный?

Линь Бин кивнула: "Я тоже думала, что это невозможно, возможно, разум господина Гэ Ин Сина был уже притуплен к тому времени".

Зичуань Нин рассмеялась.

Он также сказал, что после его смерти Ян Мин Хуа, возможно, действительно выйдет из-под контроля. Он боялся, что никто из вас не сможет его остановить. Он сказал, что если такой день наступит, я должен дать вам эту коробку. Он хочет, чтобы вы нашли хозяина этой коробки и убили Ян Мин Хуа! Вот его слова. Я не понял, что он имел в виду, но он сказал, что вы поймете.

Линь Бин протянул ему маленькую черную резную коробочку с вырезанным на крышке золотым анютиным глазом. Это, очевидно, была антикварная вещь. Двести лет назад Империя Света использовала золотой анютин глаз в качестве своего национального символа.

Цзычуань Сю с благоговением принял дар обеими руками. Он был тронут. Даже в тот последний момент жизни Гэ Ин Сина он все еще беспокоился о будущем Дома Цзычуань и о том, как сохранить его вечную славу. Как можно вообще говорить о такой непоколебимой лояльности!

Тем не менее, мир часто двигался таким образом, как мы меньше всего ожидали. Исход восстания Ди Ду, неожиданная победа Цзычуаня Шэнь Сина и быстрая гибель Ян Мин Хуа были событиями, которые даже мудрый Гэ Ин Син не мог предсказать.

После ухода Линь Бина Цзычуань Нин, не в силах больше сдерживать свое любопытство, быстро схватила Цзычуаня Сю и засыпала его вопросами: «Брат, кого сэр Гэ Ин Син сказал тебе искать? Когда Ян Мин Хуа был самым могущественным человеком в Доме Цзычуань, кто мог так легко его убить? Эта коробка, она ведь антикварная, верно? Кому она принадлежит?»

Цзычуань Сю бережно убрал коробку. Не в силах уклониться от ее вопросов, он наконец смягчился и ответил несколькими словами: «Герцог Цзо Цзя Мин».

Цзычуань Нин глубоко вздохнула, ощущая, как ее легкие наполняет холод. Она держала рот на замке.

.....

У каждого поколения были свои герои — каждый направлял течение своего времени.

На протяжении долгой истории раздираемого войной континента Западная Река родилось множество невероятных воинов и героев.

В милитаристском обществе Дома Цзычуань в каждом поколении был свой «Первый боец». Например, Лей Сюнь носил этот титул не так давно. В каком-то смысле трио Цзычуань Сю, Стерлинг, Ди Линь, которые вместе убили Лей Сюня, теперь разделили на троих титул «Первого бойца».

В то же время Дом Лю Фэн, архизлейший враг Дома Цзычуань на протяжении последних сотен лет, также имел своего «Первого бойца».

Цзычуань Сю обычно подшучивал над этим: «За сотни лет нашей общей истории, если сложить вместе всех этих "Первых бойцов", из них можно было бы сформировать целый дивизион».

Но среди всех этих топ-бойцов был только один, который был признан всеми, всеми фракциями на континенте — как настоящий номер один.

«Первый боец» Дома Линь, герцог Цзо Цзя Мин — первоклассный боец, проживший более трехсот лет.

Цзо Цзя Мин родился в годы заката Империи Света. Он быстро прославился своими невероятными навыками. Ему не было еще и двадцати одного года, когда тогдашний император Света, последний император Империи Света, Линь Цзянь И, назначил его главным советником императора. Ему дали большую власть и еще более громкий титул, отсюда и «герцог Цзо Цзя Мин».

Цзо Цзя Мин был благодарен императору за доверие и поклялся в верности короне, но его отношения с Империей продлились недолго и вскоре разрушились. Однако истинная причина их разрыва навсегда останется загадкой.

Некоторые полагали, что тогдашний фельдмаршал Лу Дань Янь завидовал ему и преднамеренно отдалил его от императора. А некоторые считали, что герцог Цзо Цзя Мин был связан с одной из наложниц императора, несравненной красавицей того времени. (В эту версию истории также чаще всего верили. В конце концов, все хотели услышать истории о героях и запретной любви.) Естественно, некоторые отрицали, что что-либо подобное когда-либо имело место, и между ними с императором ничего не было...

Однако одно было точно. Когда битва у Синей Реки достигла своей критической точки и ее исход мог напрямую изменить судьбу всей Империи, могущественнейший воин Империи, герцог Цзо Цзя Мин, ловил рыбу на побережье Западного моря, в десятках тысяч ли от величайшего сражения того времени.

В конце концов, последний император, Линь Цзянь И, фельдмаршал Лу Дань Янь и пятьсот тысяч солдат Королевской Армии погибли на открытом поле боя у Синей Реки.

Через неделю после битвы перед Главным Лагерем Демонической Армии появился юноша, одетый в белое и вызвавший на поединок демонического генерала.

Демонический Легион рассмеялся ему в лицо. Все сочли это шуткой. Демоны только что уничтожили последнюю оставшуюся и самую могущественную армию Людей. Они собирались завоевать весь человеческий мир. Кому было бы дело до идиотского требования жалкого Человека?

Когда демон-генерал Юнь Лун получил доклад от своего разведчика, который не мог перестать смеяться, он безразлично отдал приказ: "Убейте его".

Мгновением позже тела трех тысяч демонов лежали на земле. Огромная Демоническая Армия, бесчисленные лезвия и копья — ничто не могло задержать человека в белом в его движении по лагерю. Куда бы он ни шел, за ним оставалась только смерть.

Когда человек в снежно-белом одеянии вошел со своим клинком в палатку демонического генерала, Юнь Луну кое-как удалось сохранить самообладание: "Я никогда не встречал никого столь сильного, как вы. Как вас зовут? Для Людей настало время конца. Почему бы вам не присоединиться к нам? Мы сформируем будущее по своей воле! Слава, богатство, все, что вы захотите..." (Он говорил на языке демонов).

Герцог Цзуо Цзя Мин нахмурился и честно признался: "Я не понял ни слова из того, что вы сказали".

Вытащить меч, нанести удар, стереть кровь, вернуть меч в ножны, развернуться и уйти.

Сотни тысяч демонов молча наблюдали за всей этой сценой, охваченные шоком и ужасом, никто не осмелился даже приблизиться.

Офицер-демон, владевший человеческим языком, записал весь этот обмен в свою Книгу Летописей, называемую "Божественным Кодексом".

После крушения Империи Света герцог Цзуо Цзя Мин стал главной целью всех соперничающих фракций на континенте, но он вежливо отказался от каждой из них (от Цичуань Юня, Лю Фэн Хена, Мин Линя и многих других лидеров фракций) простой фразой: "Я не заинтересован".

Однако, когда дочь последнего императора Линь Цзянь И, семилетняя принцесса Линь Фэн Си, преследуемая другими враждующими фракциями, пришла к нему и умоляла: "Дядя Цзуо, мне некуда больше идти, можете ли вы нам?"

Герцог Цзуо Цзя Мин пристально посмотрел в глаза ребенку и сказал: "Помогу".

Его решение стало большим сюрпризом. Один из лидеров фракций, которых он отверг ранее, Мин Линь, возмущенно проклял его: "Но почему? У Дома Линь нет денег, нет армии и нет власти! Цзуо Цзя Мин, должно быть, чертов педофил!"

Цзуо Цзя Мин даже не удостоил этот наглый комментарий ответом.

Неделю спустя Мин Линь был найден мертвым в своем поместье, в надежно охраняемой крепости. Во время его смерти не было обнаружено никаких следов насильственных действий,

и он не страдал ни от какой известной болезни.

После его смерти коварные Цичуань Юнь и Лю Фэн Юнь быстро объединились и уничтожили Дом Мин, разделив его территории между собой.

Вскоре после этого маленькая фракция, Дом Линь, была основана на континенте Западная Река. Несмотря на свою слабую армию, она обладала невероятно сильной экономикой с беспрецедентным богатством.

В ту эпоху войны, когда сильные и могущественные уничтожали слабых и малых, Дом Линь был подобен золотой свинье, идущей по улице без привязи. Единственное, что удерживало другие фракции от их уничтожения, — это сильнейший воин всех времен, герцог Цзуо Цзя Мин.

Конечно же, за сотни лет не все верили в миф. Как, например, четвертый глава дома Лю Фэн, Лю Фэн Жуй.

Не в силах больше устоять перед искушением, он отдал приказ вторгнуться в Дом Линь, небольшую фракцию, не имеющую значительных военных сил, но владеющую огромным богатством и богатейшими землями всего континента.

Когда армия дома Лю Фэн без особых усилий достигла беззащитной столицы Дома Линь – Хэ Цю, герцог Цзо Цзя Мин также без особых усилий уничтожил всю армию дома Лю Фэн, отчаянно пытавшуюся его отразить, убив в процессе Лю Фэн Жуя.

Младший брат, Лю Фэн Ли, стал следующим главой дома Лю Фэн, а его девизом был: "Никогда не отдавай то, что взял!" Он отказался отступить с территории Дома Линь. Он даже разместил элиту армии дома Лю Фэн, "Рыцарей ветра", для защиты столицы, в попытке окончательно победить герцога Цзо Цзя Мина.

Вскоре Лю Фэн Ли тоже погиб, а воплощение высшей военной мощи и боевого мастерства дома Лю Фэн, "Рыцари ветра", потерпело поражение. Более семи тысяч всадников, половина из которых была убита, а половина искалечена.

Через неделю Дом Лю Фэн приветствовал своего третьего главу, Лю Фэн Ди. Ему не повезло. Он не хотел становиться главой в самый разгар кризиса, но проиграл пари и был вынужден своими безжалостными братьями занять свой пост.

Он сказал: "Я лучше умру, чем стану главой!"

Старейшины и дворяне дома Лю Фэн хором ответили: "Даже если умрешь, ты должен занять место главы!"

Первым его приказом в качестве главы было: "Немедленно отступай из Хэ Цю!" Его ужасала

мысль о том, что герцог Цзо Цзя Мин может прийти за ним в любую минуту.

С тех пор никто больше не осмеливался вторгаться в Дом Линь, а герцог Цзо Цзя Мин также прочно утвердился в качестве неоспоримого "Лучшего бойца всего человечества".

Ну, по крайней мере, так гласит легенда. С тех пор прошло сто лет, но она по-прежнему оставалась самой классической и легендарной историей в мире Западной реки.

Говорят, что герцог Цзо Цзя Мин покинул столицу Хэ Цю после войны и отправился путешествовать по миру. Его больше никто не видел, но все твердо верили: он все еще жив и верен обещанию, которое дал в тот день, – всегда и везде защищать честь Дома Линь.

Неважно, когда и где, если кто-то когда-либо осмелится угрожать дому Линь, ему придется ответить перед его непобедимым клинком...

.....

Цзычуань Нин прошептала: "После всех этих лет... герцог... он все еще жив?"

Цзычуань Сю ответил как ни в чем не бывало: "Вероятно. Этот старый хрыч все еще должен мне кучу денег. Лучше бы он был жив где-нибудь!"

Цзычуань Нин была ошеломлена.

Тем временем Цзычуань Сю был занят другими мыслями. Его поймали в тот момент, когда он дал обещание Лин Бин, но как он собирался спасти Ло Бо?

Глава дома – Цзычуань Шэнь Син, без сомнения, был самым влиятельным человеком в столице, но... Цзычуань Сю покачал головой: Цзычуань Шэнь Син, вероятно, испытывал к нему те же чувства, что и он к нему сейчас... а именно... "Великолепные". В этом он был уверен.

А как насчет Верховного главнокомандующего – Ло Мин Хая? Цзычуань Сю остановил себя, даже не рассматривая этот вариант.

Посмотрев в сторону сидящей рядом Цзычуань Нин, Цзычуань Сю снова покачал головой. Хотя Цзычуань Нин и была следующим главой дома, семнадцатилетний "глава запаса" на самом деле никого сейчас не волновал. Даже Цзычуань Сю большую часть времени не воспринимал ее всерьез.

Командующий Центральной армией – Стерлинг, без сомнения, был бы хорошим вариантом и хорошим другом. Кроме того, он недавно выиграл крупное сражение и имел доверие главы дома. Его слова могли легко повлиять на решения главы дома в его пользу. Проблема была

только в том, что он сражался на войне на Дальнем Востоке, в тысячах миль от того места, где он был ему нужен.

Из всех членов Высшего командования только Фан Цзинь можно было считать другом, но недавно он заболел и должен был отдыхать дома, вдали от столицы.

Обдумав все это, Цичуань Сю смог вспомнить только об одном человеке: он пользовался доверием директора, обладал властью и влиянием, чтобы изменить ситуацию. Он контролировал Министерство надзора, и военный трибунал находился в его прямом подчинении. И самое главное — он был его "хорошим другом".

Генеральный инспектор — Ди Линь.

Однако была одна проблема: со времени переворота в столице Цичуань Сю намеренно избегал своего "хорошего друга". Если он теперь навестит его только тогда, когда сам окажется в беде, захочет ли Ди Линь вообще помочь?

Имперский календарь, 776 год, 7 мая, Военная академия Дальнего Востока...

"Коллеги, добро пожаловать в академию! Давайте начнем".

Недавно назначенные мастера знаменитого знамени с разных сторон дома Цичуань записались на курсы повышения квалификации в академии, и более пятидесяти из них присутствовали на занятии, которое вел шестнадцатилетний зам. мастера знамени — Цичуань Сю.

"Сегодняшняя тема — искусство войны. "Движение как ветер, сплоченность как лес, атака как огонь, неподвижность как гора!" [1] Что это значит? На самом деле все довольно просто. В целом это значит, что когда вы убегаете от врагов, постарайтесь бежать быстрее ветра и прячьтесь в деревьях, когда это возможно. В случае, если враг подожжет лес, то можно "не двигаться как гора" и погибнуть. Все поняли? Хорошо, следующее".

"Война — это жизненно важно для нации, вопрос жизни и смерти, путь к выживанию или гибели". [2] Другими словами, война — наше ремесло. Без войны мы останемся без работы, а без работы мы не будем получать зарплату... Наш директор — щедрый правитель. Он предполагает оставить нас на наших местах. Поэтому он продолжает дурачить дом Лю Фэн по другую сторону реки. Так что не будем усложнять ему работу. Если кто-то случайно сотрет с лица земли дом Лю Фэн, мы все окажемся на улице!"

"Вот еще одна цитата на эту же тему: "Без способных людей внутри, без опасных врагов снаружи, нация не выживет". [3] Смысл очевиден. Чтобы оставаться сильной нацией, главное — разжигать больше конфликтов и создавать больше "врагов" извне. Только тогда нация будет "вечной".

"А что, если враги слишком сильны?"

"Слишком сильны? Если вы не можете победить силой, то попробуйте решить проблему дипломатическим путем! Вы что, идиот? Или вы купили себе звание мастера знамени? Есть множество способов разрешить конфликт без кровопролития. У нас есть международные договоры, конвенции и гуманитарные принципы. Докажите им, что мы — яркие сторонники мира во всем мире. Просто разумно поговорите с ними, хорошо? Любой способ сойдет! Однако если, по какой-то причине, дом Лю Фэн не будет слушать, это уже совсем другое дело, которое, к сожалению, выходит за рамки нашего сегодняшнего занятия".

Офицеры тихо переговаривались между собой: "Где они нашли такого идиота в качестве преподавателя?"

"Сэр Гэ Ин Син лично пригласил его в качестве инструктора в академию. Я слышал, они близкие родственники или что-то в этом роде... Но почему вы решили посещать его класс по военной стратегии, зная, что он полный болван?"

"Как думаешь, почему? Ради хороших оценок, конечно. Если вы просто сделаете контрольную, вы получите высший балл, даже если нет — вы все равно получите удовлетворительно. Вообще неважно, что вы напишете в контрольной работе, если вы правильно напишете свое имя, получите бонус! К тому же он никогда не начинает занятия вовремя, всегда уходит до середины и никогда не задает домашние задания... Где еще вы найдете такого инструктора?!"

Другой офицер поднял руку и спросил: "Сэр, можете объяснить, что это значит? "Доступная земля, запутанная земля, отвлекающая земля, узкая земля, отвесная земля, удаленная земля". [4] И как это влияет на нас в реальном бою?"

"Отлично. Наконец-то хороший вопрос. Вопрос со смыслом, своевременный вопрос, образованный вопрос, вдумчивый вопрос..."

"Сэр, пожалуйста, ответьте на чертов вопрос!"

"Эй, полегче. Как я могу не знать ответ на такой простой вопрос? Посмотрим... Это как... Вопрос на самом деле другой вопрос, я имею в виду. Ха. Видишь, теперь ты понимаешь. Это не так сложно было? Итак... было ли это ясно?"

"Нисколько!"

"Тяжело вздохнув, я не ожидал, что ты будешь таким глупым. Ладно. Мне придется найти кого-то с таким же интеллектом, чтобы объяснить тебе это, товарищ Стерлинг, просыпайся, хватит дремать на моих занятиях!" Зичуань Сиу с силой потряс стул Стерлинга.

"Инструктор Сиу, я слишком глуп для этого. Я совсем не понимаю вопроса". Стерлинг быстро прошептал: "Ты платишь за обед на следующей неделе в Золотом Павильоне!"

"Товарищ Стерлинг, будь свободен и не спеши, я уверен, что ты знаешь ответ!" Зичуань Сиу прошептал: "Отвали, это как грабеж среди бела дня! Жареная лапша в ресторане лапши. Я угощаю!"

"Сэр, я все еще не могу ничего придумать!" Стерлинг снова прошептал: "Окончательная скидка: пять блюд в ресторане Golden Pavilion Restaurant!"

"Товарищ Стерлинг, у меня есть к тебе вера, верь в себя!" - прошептал Зичуань Сиу в ответ: "Это же чертовое вымогательство! Три ночи жареной лапши, это окончательно!"

"Уф, я сейчас упаду в обморок, сэр!" Стерлинг закатил глаза и свалился со стула.

Зичуань Сиу подхватил его, когда он упал, энергично встряхивая: "Просыпайся! Держись! Товарищ Стерлинг!" - шепча при этом: "Ладно! Ты победил! Будет Золотой Павильон!"

"Ага, сэр. Кажется, я вспомнил!" Стерлинг, который еще минуту назад был едва в сознании, вдруг воспрял духом и громко ответил: "Так называемая "доступная земля" - это место, куда и ты, и твой враг можете приходить и уходить по своему желанию. В таком месте важно первым занять возвышенность, закрепить ту сторону, которая обращена к солнцу, и защитить свои линии снабжения. "Земля запутывания" - это место, в которое легко войти, но трудно выйти. В таком месте рекомендовано атаковать врага, только если удастся застать врасплох, однако если он укрепился, это будет очень опасно. Далее, место, которое трудно атаковать для обеих сторон, называется "выжидательная земля". В таком месте ваш лучший вариант - защищаться и игнорировать провокации со стороны врага..."

"Хорошо. Ответ не такой уж и ужасный. По крайней мере, ты правильно понял большинство основ... Итак, было ли это ясно?" Зичуань Сиу повернулся к Стерлингу и жестко отчитал его: "Товарищ Стерлинг, я очень разочарован в тебе! Тебе потребовалась вечность, чтобы придумать ответ на такой простой вопрос. Что бы ты делал, если бы был сейчас на поле боя, где смерть могла прийти в любой момент и твое решение могло решить судьбу тысяч солдатских жизней? Ты по-настоящему считаешь, что твои враги дадут тебе время подумать об этом?"

Стерлинг понуро опустил голову. Ему было ужасно стыдно за то, что он не оправдал ожиданий инструктора Сиу.

Зичуань Сиу продолжал разгневанно: "Что такое гений? Гений - это девяносто восемь процентов пота и два процента вдохновения! Если ты думаешь, что ты умен и не усердно трудишься, ты никогда ничего не добьешься в жизни! Стерлинг, я жду тебя в офисе декана прямо сейчас! Всем остальным - самоподготовка!"

...

Дуэт покинул класс.

"Эй, Сиу. Не переборщил ли ты немного? Ты закончил занятие всего за десять минут! Кроме того, разве ты не использовал это оправдание в прошлый раз, когда пропустил занятие? Я имею в виду, что я уже совсем сбился со счета, сколько раз я тебя вызывал в офис декана".

"Ни в коем случае, ты не так понял! В прошлый раз у тебя обострился Паркинсон, и я должен был отвести тебя в лазарет... А если этот урок затянется еще на минуту, я обанкрочусь! Куда делся Ди Линь? Почему его сегодня нет на занятиях?"

"Он пошел собирать деньги за крышевание".

В тесном темном переулке несколько студентов из низших классов Академии были прижаты к стене. Видя в их глазах невыразимый страх, Ди Линь медленно приблизился с



обворожительной улыбкой: "Приветствую. Как ваш день? Голодны?"

Один из них, чуть более отважный, ответил: "Босс, мы уже заплатили на прошлой неделе..."

Прежде чем он смог договорить, большой армейский ботинок Ди Линя приземлился ему прямо на лицо.

Ди Линь нежно протянул ему носовой платок для крови, текущей из носа, и продолжил говорить с улыбкой: "То, что вы обосрались на прошлой неделе, не значит, что вам не нужно срать на этой неделе? В прошлый раз это было по случаю сто двадцать пятой годовщины Его Высочества, а в этот раз это в честь двухсот пятьдесят третьего дня рождения нашего великого основателя Цзычуань Юня. Это совершенно разные вещи! Как будущий офицер Дома Цзычуань, разве вы не чувствуете гордости, что можете праздновать такой исторический день? Разве вы не чувствуете патриотического пыла внутри себя? Если нет, я буду очень разочарован..."

Ди Линь громко хрустнул костяшками пальцев, демонстрируя свои интенсивные патриотические чувства и то, как он "разочарован" "отсутствием патриотизма" в своих товарищах-офицерах.

Увидев, что Стерлинг и Цзычуань Сю поворачивают за угол, несколько офицеров низшего ранга тут же закричали о помощи: "Помогите! Сэр Сю! Ди Линь заставляет нас платить ему деньги за защиту!"

"Товарищ Ди Линь, вы снова издеваетесь над другими студентами! Кажется, на этот раз мне придется сурово вас наказать! - с негодованием заявил Цзычуань Сю. - Не бойтесь, товарищи офицеры! Если Ди Линь снова посмеет вас обидеть, сообщите в канцелярию инструктора, и я сдеру с него шкуру живьем! Помните, вы должны подать заявление!" С голосом, переполненным праведностью, Цзычуань Сю быстро утащил Стерлинга из переулка...

Ди Линь с коварной улыбкой посмотрел на несколько разочарованных офицеров низшего ранга: "Раскрою вам секрет! Мы с сэром Сю - закадычные друзья! В любом случае, хватит об этом. Пора проявить свой патриотизм на деле! Но знайте, я серьезно обижаюсь на тех непатриотичных ублюдков!"

...

Позже, в персиковом лесу позади академии, Ди Линь дал Стерлингу и Цзычуань Сю по шоколадке.

Цзычуань Сю был разочарован: "Вот и все?"

Ди Линь ответил: "Больше не могу. Такая вот экономика. Даже мафиози нынче не в моде. Кажется, у всех нет денег."

Стерлинг яростно уплетал шоколадку, пытаясь заговорить: "Я не одобряю, когда вы запугиваете других студентов..."

Ди Линь нахмурился: "Перестань тогда ее есть, если она тебе так не нравится... Ты всегда первый ее доедаешь!"

Стерлинг немедленно замолчал и быстро доел шоколадку.

Цзычуань Сю сказал: "Слышали? Офицерам из программы углубленного обучения разрешат досрочно закончить обучение на следующей неделе!"

"Да!" - сказал Стерлинг. - Мы слышали! Просто везде слишком много вакансий. Они не могут дожидаться, чтобы отправить нас в бой. Я вызвался в Армию Границы. Ди Линь, куда ты хочешь пойти?"

Ди Линь улыбнулся: "Армия Границы? Отличная идея! Там идет битва против Дома Лю Фэн, отличный способ получить несколько медалей на свои плечи. Я еще не решил! Я так завидую Сю. Он будет жить как король и останется здесь в Академии в качестве инструктора!"

"Ха-ха!" - рассмеялся Стерлинг. - Сомневаюсь, что это продлится долго! Кто-то подал жалобу, заявив, что он никудышный офицер и инструктор. Я слышал, что сэр Ге Инсин подумывает выгнать его из Академии и отправить служить под началом сэра Ло Бо."

"Да ладно тебе, Стерлинг. Иногда лучше не говорить лишнего!" - Ди Линь еле дышал от смеха: "Посмотри на него. У него все лицо красное! Лучше не зли его!"

"Теперь я зол! Никакого ужина ни для кого из вас сегодня!"

"Ты смеешь нарушить свое обещание?! Пятки чешутся под мои сапоги?!"

"Правильно! Прикончи его! Давайте посмотрим, осмелится ли он!"

...

Золотой павильон был самым эксклюзивным рестораном вблизи Дальневосточной военной академии, но и самым дорогим.

Стерлинг и Ди Линь ввалились внутрь широкими шагами, инструктируя официанта: «Сегодня мы разорим кого-нибудь! Принесите все самое лучшее!»

Зичуань Сю вошел следом с встревоженным видом, на его лице можно было прочесть слова «горечь и лютая ненависть». «Недоволен» было бы слишком мягкое преуменьшение.

После того, как троица наелась, Ди Линь в удовольствии погладил живот, улыбаясь: «Я так давно не ел столько еды за один раз! Я всегда чувствую себя великолепно, когда ужинаю за счет Сю. Кажется, от этого вкус еды становится намного лучше!»

Зичуань Сю быстро пошарил руками по своим карманам и так же быстро вытащил их. Его лицо выглядело очень странно. Он спросил: «У меня вопрос к боссу мафии — Ди Линь, сколько существует способов свалить из ресторана, не заплатив по счету?»

Ди Линь на секунду задумался и ответил: «Во-первых, способ тараканов и мух; во-вторых, способ беги спасайся; в-третьих, способ пищевого отравления; в-четвертых, способ большого злого волка... Но почему ты спрашиваешь? Хочешь сказать, ты не взял с собой кошелек?!»

«Я этого не говорил, но я захватил с собой еще кое-что вместе с кошельком...» Зичуань Сю вывернул карман наизнанку, показав огромную дыру в нем, размером как раз достаточным, чтобы через нее проскочил кошелек.

Стерлинг удивленно спросил: «Ты же не потерял кошелек в прошлый раз? Как так получается, что ты постоянно теряешь кошелек и каждый раз так удачно по времени?!»

Зичуань Сю объяснил: «Это же совершенно разные ситуации! В прошлый раз я всего лишь прикидывался, а на этот раз я по-настоящему его потерял!»

Троица обменялась взглядами, Ди Линь вздохнул: «Ладно. Обычно высококлассная мафия, такая как я, не прибегает к таким подлым уловкам, но...» С этими словами он расстегнул рубашку и засучил рукава. Подобно безумцу, он поднялся на ноги и перевернул на пол тарелку рыбы, приготовленной в кисло-сладком соусе. Не удовлетворившись этим, Ди Линь пнул ногой бутылку вина, которая стояла у него слева, крича: «Вы этим свиней кормите?! За всю свою жизнь я не ел ничего хуже! Требую, чтобы вы сейчас же позвали сюда вашего шеф-повара!»

Зичуань Сю схватился за живот, вопя от боли: «Ох, у меня пищевое отравление! Помогите!»

Стирлинг поспешно отступил в сторону, уклоняясь от осколков бьющейся посуды.

Один из официантов вышел вперед, чтобы оценить ситуацию, и принес извинения: «Конечно, конечно! Не волнуйтесь. Наш шеф-повар скоро подойдет к вам, чтобы выслушать любые ваши претензии».

И это было тем самым моментом, когда в жизни трех молодых героев из Дома Зичуань произошло событие, изменившее все.

.....

Имперский календарь, 779 год, 16 сентября, имение Ди Линя.

Генеральный инспектор Ди Линь говорил с улыбкой: «Я до сих пор помню выражение твоей морды, когда Линь Ся Цзя вышла из кухни в фартуке шеф-повара. Ты буквально пялился на нее и пускал слюни пуще, чем когда впервые увидел карпа в кисло-сладком соусе».

Зичуань Сю возразил: «Да я такой был не один! А ты? Ты сразу нацепил на себя маску добренького, хотя только что разбил их тарелку. Я помню, как ты спрашивал: "Мисс, вы сами готовили эти блюда? Я еще никогда в жизни не ел ничего настолько вкусного! Мисс, я бы с радостью ел вашу еду до конца своих дней!" А ведь ты увидел ее впервые. И правда думал, что это романтично?»

Ди Линь рассмеялся: «Ну ты и дурак! Девчонкам это нравится. Чем слаще заливаешь, тем лучше! Но Стирлинг был определенно самым худшим. Он сразу переметнулся на их сторону: "Мисс, я вам скажу, эти двое не задумали ничего хорошего. Они хотят свалить, не заплатив по счету! Я здесь единственный хороший парень!"»

«Да я до сих пор не могу поверить, что он так нас предал!»

Цзычуань Сю полностью согласился: «Именно. Мы были так близки к тому, чтобы узнать, кто был настоящим бойцом номер один Дома Цзычуань».

Стемнело, и Цзычуань Сю попрощался. По дороге домой Цзычуань Сю все думал о том, что сказал ему Ди Линь перед его уходом. Чем больше он об этом думал, тем больше понимал, насколько невероятными были его слова...

«Сюй, я знаю, скоро ты отправишься на Дальний Восток. Что касается твоей роты Сюй, ты лучше всех знаешь, из чего она состоит, поэтому я не буду тебя беспокоить. Но ты должен знать, что сейчас происходит на Дальнем Востоке. Мы можем выиграть одно, два, три или даже сто сражений, но мы никогда не выиграем эту войну, независимо от того, какое

подкрепление мы отправим. Причина в том, что у нас нет решающего фактора, который может переломить ситуацию, и такой решающий фактор не то, что можно получить на поле боя. Я уже сказал то же самое Стерлингу, но, учитывая то, что он делает, он, очевидно, не услышал ни слова из того, что я сказал. Он отчаянно пытается своими голыми руками заткнуть брешь в разрушающейся плотине».

Цзычуань Сю спросил: «Тогда, по-твоему, каков этот решающий фактор, который может переломить ситуацию в нашу пользу?»

Ди Линь покачал головой: «Я не знаю. Но хочешь ли ты услышать последнее предупреждение?»

«Говори».

«Что бы вы ни делали, никогда не отдаляйтесь от форта Уоррен более чем на три дня пути. Всегда будьте готовы к внезапному повороту событий». Ди Линь говорил очень серьезно.

Оглядываясь назад, то, что когда-то было имением, окруженным светом ламп, теперь было поглощено темнотой, окутывающей его аурой таинственности.

.....

Два дня спустя в городе Ди Ду произошло нечто неожиданное: генеральный инспектор Ди Линь внезапно развернулся на 180 градусов и начал активно расследовать дело заместителя командующего Дальневосточной армией Ло Бо. Казалось, он намеревался сделать из него пример, поскольку решительно заявил: «Я обязательно вовлеку в это Верховное командование и покажу Ло Мин Хая, кто здесь главный!» Он даже специально сообщил, что будет лично выступать в качестве прокурора в этом деле: «Я бросаю вызов всем, кто посмеет выступить в его защиту!»

Известие быстро достигло ушей Верховного главнокомандующего Ло Мин Хая. Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы обдумать все, прежде чем он занял совершенно иную позицию, выступая в пользу Ло Бо. Он даже вызвался быть защитником Ло Бо во время военного трибунала, на котором обещал присутствовать сам директор Зичуань Шэнь Син.

Суд состоялся в назначенное время, но весь процесс превратился в сольное выступление Верховного главнокомандующего Ло Мин Хая. Он живо выступил в защиту Ло Бо; каждое его слово было наполнено страстью и силой: «Поражение у Красного озера было не по силам одному человеку! Несмотря на сокрушительные потери, Ло Бо вопреки всем обстоятельствам защитил Форт Уоррен. Он принес славу Дому Цзычуань. Если мы все еще будем наказывать его за его доблестные усилия, как мы можем смотреть в глаза сотням тысяч солдат, которые сейчас жертвуют своими жизнями на Дальнем Востоке? Его речь была встречена шквалом аплодисментов со стороны Лин Бин и офицеров Дальневосточной армии, присутствовавших на суде. Ло Мин Хай казался еще более довольным собой, купаясь в лучах своего триумфа.

Напротив, выступление Ди Лина стало большим разочарованием для Зичуань Шэнь Син и всех присутствующих. В его словах не было здравого смысла, и они часто были неуместны. Его аргументы противоречили друг другу, и даже в своем обвинительном заключении он не смог ясно указать, обвиняется ли Ло Бо в неисполнении служебных обязанностей или в провале в командовании. Поэтому неудивительно, что его обвинения были беспощадно разорваны на части и разобраны контрдоводами Ло Мин Хая.

В результате Зичуань Шэнь Син публично объявил, что все обвинения с Ло Бо сняты. После

суда то, как Ди Линь смотрел на себя после поражения, можно было описать только как собаку, которая только что проиграла в драке.

Луо Мин Хай презрительно взглянул на Ди Лина, а затем вернулся, чтобы с радостью принять поздравления от своих товарищей: «Поздравляем, сэр. На этот раз вы точно поставили Ди Лина на место!» Слова так обрадовали Луо Мин Хая, что этим вечером он даже сделал исключение и выпил бокал вина.

«Ха, кто тебе это сказал?» — Зичуань Сю сделал вид, что удивлен, словно кто-то только что раскрыл его самый сокровенный секрет.

«Даже не пытайтесь отрицать, сэр. Леди Нин рассказала нам все. На самом деле вы тайный ученик пятого поколения самого великого бойца всех времен — герцога Цзо Цзя Мина. Вы также овладели каждой техникой, которой он вас обучал: «Волновой техникой», «Молниеносным клинком», «Громовым ударом», «Железной головой»[1], «Девятью мечами ДуГу»[2], «Ладонью Будды»[3], «Пособием по подсолнечникам»[4] и даже легендарной «Амеаеа»[5]... В общем, вы знали все эти крутые штуки~!»

«Тьфу, я же говорил Нин много раз, что это нужно держать в секрете...» Зичуань Сю понимал, что женщины иногда бывают как дети. Если вы хотите, чтобы она поделилась с кем-то слухами, лучший способ — время от времени напоминать ей: «Никому не говори!» И как он и ожидал, результат был впечатляющим. Даже не прошло и дня, как это трио прибежало к нему, виляя хвостами, как собаки, надеясь привлечь внимание своего хозяина. Все слухи имеют тенденцию расти и мутировать каждый раз, когда распространяются. В итоге было «подтверждено», что Зичуань Сю — любимый ученик герцога Цзо Цзя Мина!

«Ладно. Признаю. Это правда! Я пятый ученик герцога Цзо Цзя Мина!»

«Сэр, не волнуйтесь. Мы будем хранить ваш секрет ценой своей жизни! Мы просто... хотим попросить вас о маленькой услуге...»

«О. Понятно. Вы хотите, чтобы я обучил вас нескольким приемам боевых искусств!» — как будто Зичуань Сю что-то понял.

Трио быстро закивало.

«Но вы должны знать, что дело не в том, что я не хочу...»

Бай Чуань быстро вытащила мешок с монетами, а Ло Цзе потащил за собой коробку с журналами для взрослых. Зичуань Сю обреченно вздохнул: «Что вы все время со мной это делаете? Что мне на это сказать? Ладно, раз вы все так искренне просите, я научу вас высшей форме техники боевых искусств секты Цзо Цзя, универсальному непобедимому руководству по ладони грома! Всего за две тысячи! Кто хочет?»

Бай Чуань с любопытством спросила: «Так дешево?» Она тут же заплатила ему наличными и убежала с руководством, быстро, как только могла.

Ло Цзе и Чан Чуань слишком поздно поняли, что произошло, и зарыдали, как потерянные овцы: «Сэр, помогите нам! Если эта злая дрянь овладеет техникой Громовой ладони, мы все точно станем ее рабами!»

«Хо-хо, не волнуйтесь! Ее руководство по Громовой ладони неполное, оно имеет несколько слабых мест! У меня есть на продажу еще одно руководство по технике Великого солнца. Оно специально разработано для противодействия технике Громовой ладони, всего за восемь тысяч восемьдесят восемь, и оно ваше! Если вы овладеете этой техникой, я гарантирую вашу победу над ней! Кроме того, когда вы это сделаете, спросите ее за меня, не заинтересуется ли она обновленной версией руководства по Громовой ладони, на этот раз полной, со всеми дополнениями, это будет стоить ей всего десять тысяч!»

...

На следующее утро мастер Красного знамени — Ли Цин пришла навестить Зичуань Сю от имени Верховного командования. Однако первым, что она увидела, прибыв в лагерь компании Сю, был Ло Цзе, ползающий по полу, как жаба, с запрокинутой в сторону солнца головой и широко открытым ртом. Казалось, он повторяет какую-то мнемоническую фразу: «Я идиот... Я идиот... Я идиот...»

«Мастер Ло, что вы делаете?»

«Я идиот... Пожалуйста, не мешайте мне. Я практикую технику Великого солнца, поглощая сущность солнца. Я идиот... Когда я овладею этим, я стану непобедимым!»

Ли Цин нахмурилась и спросила: «Не могли бы вы сказать, где я могу найти сэра Сю?»

«Я идиот... Зайдите в главный вход, а затем поверните направо. Я идиот... Дверь с плакатом с обнаженной девушкой, висящим снаружи, ведет в его офис!»

"Спасибо". Даже после того, как Ли Цин прошла через ворота, она все еще отчетливо слышала крик Ло Цзе издалека: "Я — идиот!" На самом деле он так громко кричал, что его слышал весь лагерь.

"Я знаю! Не нужно повторять!" — крикнула Ли Цин, не оборачиваясь.

...

Цзычуань Сю быстро встал и поприветствовал Ли Цин, когда она вошла в дверь. Они давно знали друг друга и были друзьями.

Ли Цин осмотрела штаб-квартиру роты Сю: на каждой стене висели постеры с обнаженными девушками, кучи вонючего мусора валялись на полу, а за его старым столом было еще больше

— грязная одежда, пустые бутылки и даже несколькодохлых мышей, которые лежали там еще с прошлого раза. дни назад.

Она слегка кашлянула, жалуясь: "Сю, какие славные у тебя солдаты! Все они только что вышли из тюрьмы?" Она уже приняла решение: без бригады или большего количества охранников она больше никогда не пройдет через главные ворота роты Сю. Распутные взгляды солдат снаружи нервировали ее.

Цзычуань Сю сказал с игривой улыбкой: "О чем ты говоришь? Разве я не выгляжу нормально?"

Ли Цин ответила с улыбкой, не улыбаясь: "Да, так что читать журнал для взрослых сразу после восхода солнца здесь считается нормальным?"

Цзычуань Сю поспешно бросил книгу под кровать, прочищая горло: "Так что привело тебя сюда, мастер Ли?"

Ли Цин сдержала улыбку: "Сэр Сю, по приказу Главнокомандования, вы должны собрать своих людей... Эй! Позвольте мне закончить... Стойте, верните мне мои приказы! Подождите, не открывайте... Вздых!" Она пожаловалась: "Я же посланник, так что проявите уважение, ладно?"

"Рота Сю будет передана под командование полковника Фан Цзина и немедленно отправится в форт Уоррен".

"Странно, разве они не обещали новобранцам месяц на подготовку? У нас едва ли две недели! Не говоря уже о том, что у нас до сих пор нет половины снаряжения. У многих наших отрядов даже нет палаток, чтобы пережить зиму".

"Это идея Верховного главнокомандующего. Официальная причина заключается в том, что внезапное развитие событий на Дальневосточном фронте потребовало срочного подкрепления Стерлингу. Однако настоящая причина заключается в полицейском корпусе Ди Ду. Их начальник вырыл себе глаза Лю Мин Хаю, сказав: "В городе Ди Ду никогда не будет мира, пока здесь находится рота Сю". Он потребовал немедленно убрать тебя. Сю, ты вообще знаешь, что думают о твоём подразделении люди в Ди Ду?"

Цзычуань Сю ответил со всей серьезностью: "Всякий раз, когда люди из Ди Ду видят великолепное знамя роты Сю, они всегда выражают свое уважение и восхищение: это люди силы, олицетворение праведности... Такая дисциплинированная сила, как и следовало ожидать. от молодого героя Цзычуань Сю!"

Ли Цин слегка улыбнулась: "Ты сам в это веришь? Ты знаешь это лучше всех. Все называют вас тремя язвами Ди Ду: тараканы, крысы и рота Сю!"

Ли Цин встала и попрощалась: "Хорошо, вот и все. Если есть что-то, что вам еще нужно сделать, но вы этого не сделали, я предлагаю вам поторопиться. Тем временем я могу помочь вам с проблемами с оборудованием. Как вы знаете или не знаете, чтобы быстрее избавиться от вас и ваших людей, Логистический корпус приложил все усилия. Вам следует воспользоваться этой возможностью и взять у них все, что сможете".

"О, есть еще одна вещь. У меня есть письмо для Стерлинга. Так как ты направляешься на Дальний Восток, ты передашь ему его?" Цзычуань Сю почувствовал, как его пронзил ток. Уже так давно он хранил от нее в секрете, как Стерлинг любил Принцессу Ка Дан. Если бы она об этом не упомянула, он бы почти забыл, что официально Ли Цин все еще была невестой Стерлинга.

"Запомни, передай ему мое письмо лично!"

Цзычуань Сю тихо взял письмо: "Хорошо", но в душе сокрушался: "Иногда женщины бывают такими дурами, они думают, что отправиться на Дальний Восток — это как выйти на задворки своего дома. Как они не могут понять, что Дальневосточный фронт — это территория, простирающаяся на сотни тысяч квадратных километров? Армия Стерлинга — тоже не гарнизонное подразделение. Как он должен столкнуться с войсками Стерлинга на такой огромной территории?"

Он проводил ее до ворот. Ли Цин обернулась к нему, глубоко заглянула в глаза и с искренней серьезностью произнесла: "Береги себя, и ради Нин, пожалуйста, будь в безопасности".

Цзычуань Сю почувствовал, как другой толчок пробежал по нему, но он сохранил невозмутимое выражение лица: "Верно, ради нашего будущего директора мы должны заботиться о себе".

Ли Цин нахмурила свои тонкие длинные брови, как будто не одобряла его ответ. Но не сказав больше ни слова, она развернулась и ушла.

...

"Брат, ты вернулся?" Цзычуань Нин казалась особенно счастливой сегодня, увидев его неожиданное возвращение. "Ты даже принес мне цветы... Вау, брат! Это так мило с твоей стороны! Я почти подумала, что ты забыл о моем восемнадцатом дне рождения!"

"Сегодня твой день рождения?!" Цзычуань Сю был шокирован: он купил цветы только в качестве подготовки к тому, что собирался ей сказать. Он не ожидал наткнуться на ее день рождения... Видя, как она счастлива, держа в руках подаренный им цветок, он не мог произнести ни слова из того, что планировал: "Действительно ли я должен сказать ей эти вещи прямо сейчас?"

Ка Дан вышла из комнаты: "Позволь мне посмотреть... Разве нормально дарить кому-то на день рождения желтые маргаритки[6]?"

"А, ты прав! Он всегда немного туповат в этом плане!" Хотя Цзычуань Нин и жаловалась, ее лицо говорило о другом: как долго Цзычуань Сю помнил о ее дне рождения, она была бы так же счастлива, даже если бы он вообще ничего ей не подарил.

Ло Цзе, Бай Чуань и Чан Чуань также присутствовали на ее дне рождения. Они продолжали говорить: "Мы здесь, чтобы лелеять нашу дружбу с Ее Светлостью и поздравить ее с днем рождения!" Но Цзычуань Сю быстро разгадал их уловку, они пришли сюда за бесплатной и дорогой едой. Бай Чуань принес ей милую шкатулку с косметикой, в то время как Ло Цзе и Чан Чуань, "два идиота, у которых к концу месяца никогда не оставалось больше никеля в кармане", принесли ей пакет с семечками подсолнечника.

К счастью, Цзычуань Нин была в отличном настроении, она искренне благодарила всех, кто принес ей что-нибудь. Однако Цзычуань Сю знал, что обычно она очень разборчива; она редко обращала внимание на вещи обычного качества.

Еда была весьма экстравагантной; это было большим открытием для пары простолюдинов с



Дальнего Востока. Ка Дан улыбнулась: "Это напоминает мне о королевском ужине в Императорском дворце".

Во время ужина Цзычуань Нин подняла свой кубок за Цзычуань Сю, желая ему благословения: "Желаю тебе всегда побеждать и благополучно вернуться". Только сейчас Цзычуань Сю понял, что Ли Цин, должно быть, уже рассказала ей о его новом назначении. Он осушил свой кубок без лишних слов, и все остальные быстро последовали его примеру. Даже Ка Дан и Бай Чуань, которые обычно никогда не пили, в тот вечер покраснели от алкоголя.

Все хорошо проводили время. Однако Ло Цзе искал только симпатичных девушек, чтобы выпить с ними. Иногда он поднимал свой кубок в честь Стерлинга, сражающегося на Дальнем Востоке, иногда он делал это в надежде, что мир скоро вернется в Дом Цзычуань, а иногда он давал свое благословение всем, кто собирался отправиться на фронт. Он был настолько излишне вежлив, что даже Цзычуань Сю начал сомневаться, нет ли у него каких-то скрытых мотивов.

Пытался ли он напоить девушек, надеясь таким образом воспользоваться ими? Но опять же, это казалось не вполне возможным. Ло Цзе был так простодушен; он не мог думать так далеко наперед. Это было бы намного подозрительнее, если бы это был Чан Чуань.

Разговор все время вращался вокруг войны на Дальнем Востоке. Так как у Цзычуань Нин была такая хорошая подруга, как Ли Цин, работающая в Высшем командовании, она много знала о том, что происходило на Дальнем Востоке.

Верхнее командование планировало создать единую командную структуру на Дальнем Восточном театре военных действий, однако они не смогли договориться о кандидате на пост главнокомандующего.

Если говорить о заслугах, то и Верховное командование, и Начальник учебного заведения поддержали кандидатуру Стирлинга, но он был недавно повышен до звания командующего. Если бы его назначили главнокомандующим, ему, вероятно, было бы трудно контролировать старого лиса Мин Хуэя, имевшего такой же ранг. Если бы нужно было найти кого-то еще, кроме Стирлинга или Мин Хуэя, то единственным подходящим кандидатом был бы Верховный главнокомандующий - Ло Мин Хай.

Когда его имя было озвучено, все офицеры рассмеялись. Ло Мин Хай был известен своим непониманием военного дела.

Чан Чуань рассказал на собрании историю о Ло Мин Хае: однажды ему поручили командовать битвой. Он видел, как к нему приближаются копейщики дома Лю Фэна. Однако он просто стоял и ничего не говорил. Когда его люди увидели, как он спокоен и бесстрашен, они мгновенно почувствовали его силу и смогли отразить атаку противника. После битвы, когда все начали ликовать, Ло Мин Хай тайком отвел адъютанта в сторону и спросил: "Мы победили или проиграли?"

Это была ужасная шутка, но все истерически смеялись.

...

Тем временем Ка Дан незаметно потянула за рукав Цичуань Сю и он понимающе проследовал за ней в коридор.

Ка Дан вручила Цичуань Сю письмо: "Пожалуйста, передай ему..." Очевидно, она имела в виду Стирлинга.

Цичуань Сю бездумно взял у нее письмо, вздохнув. Он наконец принял решение: "Можешь сказать Нин, чтобы она вышла на секунду?"

Ка Дан бросила на него недоверчивый и насмешливый взгляд: "Понятно, настало время для тихого разговора! Ладно, я пойду ее приведу".

Через минуту вышла Цичуань Нин: "Братец, что за секретничанье?" Щеки у нее пылали, но не ясно от алкоголя или от чего-то другого.

Цичуань Сю улыбнулся, но не ответил ей прямо, сказав: "Подожди". Он вытащил саблю и взмахнул ею по дуге позади себя. Лезвие без труда вошло в деревянную дверь, и тут же последовал крик Ло Цзе и Чан Чуаня.

Поняв, что за ними подслушивают, Цичуань Нин рассмеялась от удовольствия.

Цичуань Сю напряг свои чувства и осмотрелся. Когда он убедился, что вокруг больше никого нет, он глубоко вздохнул, ведь то, что он собирался сказать, требовало от него всего мужества.

Под ясным небом море сверкающих звезд молча наблюдало за миром бесчисленными парами глаз. Когда смягчившийся бриз ночного шквала пронесся мимо, он почувствовал, как его чувства обострились, а головокружение от алкоголя постепенно начало проходить.

"Брат, ты сегодня чем-то обеспокоен. Ты почти ничего не говоришь". Голос Цичуань Нин зазвучал яснее.

Цичуань Сю медленно начал: "Нин, я помню. Ты боялась темноты, когда была маленькой. Ты много плакала, и часто часами напролет. Перед смертью твой отец Цичуань Юань Син завещал мне заботиться о тебе. Но я оказался никчемным братом, в конце концов именно ты опекала меня почти все время".

"Брат, мы семья. Мы должны заботиться друг о друге. Я знаю, что ты всегда защищал меня, даже когда я не вижу тебя. Неужели ты думаешь, что я не знаю? В тот год в Ди Ду был бунт и отца не было рядом. Когда разъяренные повстанцы ворвались в двери и распугали стражу, я так испугалась, что зарылась под одеяло и плакала, а ты стоял у моей кровати с мечом в руках. Тебе было всего восемь лет. Я помню, потому что все время выглядывала из-под одеяла, и каждый раз видела перед собой твою отважную тень. Ты дал мне почувствовать себя в безопасности".

Цзичуань Сю почесал затылок: "Давай не будем об этом. Я напал на первого, кто вошел в дверь, и он послал меня в полет. Как оказалось, это был твой отец. В итоге я провел в постели следующую неделю".

Цзычуань Нин усмехнулась: «Но мне кажется, ты так же хорошо выглядишь, когда тебе надрали зад!»

Воспоминания о детском прошлом нахлынули на них. Цзычуань Сю улыбнулся: «А теперь посмотри на себя, эта хрупкая плачущая девчушка теперь уже совсем взрослая. Я хотя бы выполнил эту часть своего обещания господину Цзычуань Юань Сину. Нин, мы навсегда будем братом и сестрой, что ты на это скажешь?»

Глаза Цзычуань Нин расширились: «Мы брат и сестра!»

Цзычуань Нин явно не поняла, что он имел в виду; Цзычуань Сю вздохнул в досаде и попытался снова: «Нин, я скоро уезжаю на Дальний Восток и могу отсутствовать долгое время».

Цзычуань Нин спокойно ответила: «Неважно, сколько это займет времени, я буду ждать прямо здесь».

Цзычуань Сю почувствовал нарастающее давление: «Я могу никогда не вернуться».

Ее пара глаз сияла так же ярко, как звезды. Она пристально смотрела на красивое лицо Цзычуань Сю: «Вернешься, и я буду ждать».

Цзычуань Сю начал отчаиваться до такой степени, что хотел покончить с собой: почему она не понимает?! Он немного колебался, но продолжил: «Да, мы брат и сестра, поэтому, конечно, ты будешь меня ждать! Но я имел в виду, что во время ожидания кого-то ты можешь заниматься и другими делами, например, э-э, вроде...»

Цзычуань Нин посмотрела на него, слегка сбита с толку. В ее памяти беззаботный брат никогда не был так растерян в словах.

Цзычуань Сю собрал все свои последние силы: «Например, можешь куда-нибудь сходить, познакомиться с другими мальчиками своего возраста. Именно так. Я только что понял, что у тебя нет друзей-мужчин. Это совершенно странно для девушки твоего возраста».

Цзычуань Нин, казалось, удивилась: «У меня много друзей-мужчин! Например, Стирлинг, Ло Дже, Чан Чуань. Я хорошо дружу со всеми ними».

Цзычуань Сю не знал, смеяться ему или плакать: «Я не говорю, что все парни также друзья... Э-э, нет, я имею в виду, что не все друзья-мужчины также относятся к подобному виду „друзей“».

Он изо всех сил старался придумать что-нибудь и наконец придумал хороший пример: «Например, Ка Дан и Стирлинг — вот такие „друзья“».

Глаза Цзычуань Нин расширились еще больше: «Вот такие „друзья“?»

Цзычуань Сю уверенно произнес: «Да, вот такие „друзья“!»

«Ты хочешь, чтобы я нашла вот таких „друзей“?»

Цзычуань Сю молча кивнул.

Цзычуань Нин смотрела на него; она не могла говорить. В ее глазах медленно начали появляться сверкающие пузырьки. Чувство было слишком трудным для описания. Как будто она вот-вот заплачет, ее изящная фигура начала слегка дрожать в темноте.

Цзычуань Сю закалил свое сердце и сделал вид, что не замечает этого. Он повернулся и опустил взгляд на розы, посаженные в саду за ним, как будто внезапно увлекся ботаникой.

Бесконечная тишина казалась бесконечной, как сама Вселенная. Когда Цзычуань Сю уже собирался было все бросить и развернуться, за его спиной раздался шаг, удаляющийся все дальше и дальше. Вместе со звуком шагов уходила и его самая дорогая первая любовь.

К тому времени, как он обернулся, белое платье медленно исчезло из поля зрения, растворившись во мраке в конце коридора.

Он просто стоял неподвижно. Девичье лицо с мгновения назад продолжало вспыхивать у него перед глазами. Оно было наполнено невыразимой печалью.

Он усмехнулся, словно издеваясь над самим собой: «Цзычуань Сю, ты самый ничтожный на свете, теперь тебе уготовано лишь одно — ад».

Он поднял глаза, и посреди сверкающих звезд в далеком небе ему показалось, что какая-то пара сердитых глаз смотрит на него. Течение времени ничуть не ослабило власть этих глаз над ним. И вновь рядом с его ушами раздался громоподобный крик: «Лин Хэ, не смей забывать, кто ты!»

Цзычуань Сю слегка искривил губы: да, я знаю; она королевская особа. Она не предназначена для такого ублюдка-бездородного, как я. Я тоже знаю; имя Цзычуань — это всего лишь слой позолоты. При малейшем прикосновении, при малейшей вмятине, оно обнажит уродливую и дешевую бронзу, скрытую под ним. В конце концов, когда дело коснется почетного имени Цзычуань, я всегда буду чужаком.

Почему еще, видя, как мы с Нин ладим, вы без колебаний отправили девятилетнего меня в далекую Дальневосточную военную академию? Если бы они действительно считали меня своим, разве Ян Мин Хуа осмелился бы арестовать меня тогда без разрешения старейшины? И учитывая мои способности, почему сейчас главой дома стал Цзычуань Шень Син, а не я?

В конце концов, позолоченное золото - это все еще не настоящее золото! Господин Юань Син, отец, неужели это тот исход, которого вы всегда для меня хотели?

Яркие звезды снова походили на заплаканные глаза Цзычуань Нин. Мне так жаль, Нин. Сегодня твой восемнадцатый день рождения. Я не должен был заставлять тебя плакать. С этого дня начинается самый прекрасный и ослепительный период в жизни женщины. Но женская красота всегда мимолетна. Я не хочу, чтобы ты тратила свою драгоценную молодость на ожидание того, чему не суждено сбыться.

Прощай, Нин. Прости меня за мою бессердечность. Когда твое зрение больше не будет ограничено моей тенью, ты поймешь, что в мире есть много других прекрасных мужчин, достойных твоей любви. Если наступит день, когда ты действительно станешь главой дома, мне интересно, узнаешь ли ты, что я чувствовал в этот момент? А если наступит день, когда ты и твой возлюбленный пойдете к алтарю рука об руку, ты все еще будешь помнить ребенка, которого когда-то любила?

К тому времени я, вероятно, буду в далеком месте, молча наблюдая за тобой издалека. Тебе нужно всего лишь назвать мое имя, и я мгновенно появлюсь перед тобой, сколько бы гор или морей мне ни пришлось пересечь.

Моя возлюбленная леди, желаю тебе вечно жить и чтобы твоя красота была вечной.

А я буду защищать тебя до конца дней. Моя жизнь принадлежит тебе и мое сердце тоже.

Восемь тысяч солдат и офицеров из "Роты Сю" той ночью отправились из Ди Ду на Дальневосточный фронт.

Когда Цзычуань Сю покинул особняк Цзычуань Нин той ночью, он сделал это тихо и не разбудил ее, оставив на столе в зале для гостей только ключ от своего дома и годовую плату за аренду.

Оглядываясь назад, комната Цзычуань Нин была черной как смоль.

Он вздохнул. Скача на лошади, он покинул место, которое называл домом больше года.

За ее черным окном занавеска была тайно приоткрыта, пара ярких глаз пристально следила за тенью, отбрасываемой его широкими плечами, пока синяя офицерская форма не слилась с морем светло-коричневых солдатских мундиров на заднем плане.

Цзычуань Нин молча молилась: "Боже, мое единственное желание на мой восемнадцатый день рождения - пожалуйста, сохрани его в безопасности".

И потекли ее слезы.

"Засада!" Предупреждение разведчика быстро превратилось в крик, когда кустарный дротик с высокой точностью пронзил грудь солдата, сигнализируя о том, что на их позиции обрушился град дротиков, превратив один крик в десяток.

Оказавшись под атакой, солдаты Центральной армии немедленно сомкнули ряды, образовав круговую оборонительную формацию. Владея мечом одной рукой и щитом другой, щитоносцы инстинктивно образовали внешний круг. Сотни квадратных щитов сдвинулись вместе в оборонительную стену. Лучники, сгруппировавшиеся в центре в положении на полусогнутых коленях, ответили тем же, выпустив шквал стрел через щитовую стену и в глубь леса. Дротики продолжали падать, но большинство из них просто не долетали до солдат, скрывавшихся за щитовой стеной.

Капитан, воин-знаменосец - Дукла крикнул: "Пятый взвод, атака! Принесите мне головы этих подлых ублюдков!"

Тридцать с лишним воинов с саблями заревели: "Воо-а!" устремляясь к густому кустарнику. Несмотря на то, что изначально они были кавалеристами и из-за труднопроходимой местности в лесу им пришлось сражаться пешком, это несколько не изменило их бесстрашного стиля. Трое солдат пали от летящих копий во время атаки, но остальным удалось приблизиться к врагу и окружить более десятка звероловцев в рукопашной.

Звероловцы столь же храбро оборонялись своими простыми дротиками против отточенных сабель, совершенно не обращая внимания на солдат, кричавших на языке звероловцев: «Сдавайтесь и будете пощажены!» Кровь, крики и смерть продолжали преследовать грязные джунгли после дождя. Ни одна из сторон не уступала. Звероловца, который только что потерял

одну из своих рук, продолжал сражаться, держа дротик в другой руке, другой, у которого было раздроблено плечо, набросился на своего врага с зубами. С другой стороны, солдат со сломанной ногой продолжал яростно размахивать саблей, рубя ноги своего противника, пока сам кувиркался в грязи.

Вскоре более половины зверолодей либо пали, либо были выведены из строя. Капитан Дукла крикнул назад: «Дайте дорогу лучникам! Прикончите их!»

Несколько рядов лучников двинулись вперед, как только они собрались вставить стрелы и оттянуть назад луки, вокруг них раздался внезапный боевой клич. Сотни зверолодей хлынули через густой лес, размахивая дротиками и дубинками, окружая их и жажду крови. Солдаты поспешно отступили за свою оборонительную формацию, и еще одна жестокая битва началась за стеной щитов.

Дукла понял, в какой ситуации он оказался. «Это была ловушка!» Громко крикнул он: «Пятый взвод, отступите к оборонительной позиции!»

Три дюжины солдат из пятого взвода отделились от батальона, отчаянно пытаясь вернуться назад, но более сотни зверолодей с дубинками уже окружили их, ревя. Вокруг них повсюду сталкивалось оружие и не давалось пощады. Несколько солдат мгновенно получили проломленные головы и разорванные тела, превратив несколько криков в бесконечный вой.

Батальон Дуклы отчаянно старался сократить расстояние между ними и теми отделившимися людьми, но несколько сотен повстанцев отрезали им путь. Обе стороны яростно сражались за каждый сантиметр земли, ежесекундно валя на землю либо людей, либо зверей в лужу крови. Хотя они уже могли видеть и слышать друг друга, они не могли продвинуться ни на дюйм, несмотря на то, что были на расстоянии менее тридцати метров друг от друга. Казалось, окруженный пятый взвод будет уничтожен до того, как капитан Дукла сможет подкрепить их.

Раздался четкий свист, и промелькнула тень. Неясно как, но она прорвалась сквозь несколько слоев осаждавших врагов и пробила к окруженным солдатам. Невысокий человек ловко перемещался между более высокими врагами с невероятной скоростью, используя только голые кулаки, роняя по полдюжине зверолодей налево и направо, даже не издавая звука. Никто даже не видел, как он это делает. Громоздкие зверолоды, известные своей физической силой, падали вокруг него как мухи, и плотное окружение внезапно разорвалось, позволив окруженным солдатам сбежать и вернуться к основной части.

Видя, что засада не удалась, немного более высокий офицер зверолодов выкрикнул несколько непонятных слов, и мгновенно то, что когда-то было большой группой разгневанных зверолодей, разбежалось, как испуганные кролики, во всех направлениях, исчезая в тени густого подлеска. Таким образом, они исчезли так же внезапно, как и появились.

Исчезли звуки боя, на их место пришли пение птиц, падение капель дождя с деревьев и стоны раненых, все еще лежащих на земле. В снова тихом лесу тусклый солнечный свет поздним осенним днем едва пробивался сквозь густую листву, оставляя пятна яркости на зеленом мху

джунглей, на мутных лужах и на бледных лицах молодых павших воинов.

Солдаты тяжело дышали, хватая ртом воздух. Их мышцы напряглись, пальцы крепко сжались вокруг сабель, а наполненные кровожадностью глаза постоянно осматривали окрестности в поисках следующей цели. Они не могли поверить, что душераздирающая битва уже закончилась.

Дюкла первым пришел в себя и рывкнул: «Стоять тут как идиоты! Помогите своим раненым братьям! А вы там, срубите несколько деревьев и сделайте носилки».

Как будто просыпаясь от ночного кошмара, солдаты неуклюже распаковывали свои аптечки, перевязывая раны, проверяя, жив ли человек на земле, а еще не могли ли они взять в плен выжившего мятежника в качестве заложника.

Только сейчас Дюкла вспомнил: «Кто был тем храбрым душой, который спас моих людей?»

Несколько лучников указали ему на молодого солдата, осматривающего местность: «Он это сделал! Он спас наших братьев, он герой!»

«Это был я». Чувствуя легкое смущение, молодой солдат слегка улыбнулся, демонстрируя свои белые зубы... К сожалению, это было единственное чистое место, которое осталось на его лице. Все остальное было в грязи. Хоть он и был невысокого роста, он выглядел как человек, способный постоять за себя. Его взгляд был острым и сосредоточенным. Его форма была испачкана грязью и кровью; даже нельзя было сказать, какого цвета она раньше была. Кажется, в бою он где-то потерял шляпу, так как методично обшаривал поле битвы.

«Хорошая работа, сынок. Ты хорошо сражался! Ты не из моего подразделения, верно?»

«Верно, я просто прохожу мимо. Вы, должно быть, капитан...?»

«Я еще и осел!» взревел Дюкла. «Разве твой офицер ничего тебе не говорил? Когда ты разговариваешь с вышестоящим офицером, ты должен использовать почтительное обращение и делать это с чувством. Говори: «Так точно, сэр! Да, сэр!» А теперь повтори!»

Любезный молодой человек улыбнулся и вытянулся по стойке «смирно»: «Да, сэр!»

«Вот так, теперь ты похож на солдата! Очень хорошо, скажи мне свое имя, звание и подразделение. Я позабочусь о том, чтобы тебя наградили!»

«Вы слишком добры, сэр». На лице молодого человека появилась приятная улыбка. «Меня зовут Стерлинг. В настоящее время я служу в Центральной армии; звание — командующий Центральной армии и член Высшего командования... Так когда вы планируете наградить меня, сэр?»

Наконец он нашел свою шляпу. Стряхнув пыль и вытерев грязь, золотой значок в виде ястреба вновь ярко заблестел на макушке.

.....

«Сэр, вы опять вышли из роли!» пожаловался офицер штаба Центральной армии Тан Пин, разговаривая так, будто с ребенком, который не хочет принимать лекарство. «Вы должны были всего лишь осмотреть нашу оборону, как вы снова оказались на передовой? Что если что-то

случится...»

«Именно так!» подхватил второй командующий, заместитель командира Цинь Лу. «Все командиры дивизий жалуются: «Мы приветствуем сэра Стерлинга для осмотра нашей обороны, но не мог бы он, пожалуйста, не бросаться в бой при каждой возможности? Мы не можем себе позволить, если что-то случится с сэром Стерлингом!» Сэр, мы все знаем, какой вы храбрый, но обязанности командующего армией выходят за рамки обычного солдата. Вы отвечаете за наши общие стратегии, планирование и руководство нами в бою...»

«Да, да. Я знаю». Стерлинг поспешно сменил тему. «Сегодня я отправился проверить три дивизии на нашем левом фланге. Дивизия Лу Нина неплохо поработала над обороной; хорошие окопные работы. Дивизия Вэнь Хэ ужасна, никто не знает, что делает. Я бродил по его территории почти полдня, и ни один охранник даже не остановил меня для допроса, а его окопы больше похожи на канавы, такие мелкие, что солдат ни за что не сможет спрятаться за ними. Там даже был идиот-капитан, который повел небольшую группу из трехсот человек в лес, пытаясь устроить неприятности для мятежников. Разве я не отдавал конкретный приказ: «Никогда не заходите в лес!» К тому времени, голос Стерлинга дрожал от гнева.

Цинь Лу поспешно объяснил: «Дивизия Вэнь Хэ изначально была кавалерийской. Они привыкли к наступлению, а не к обороне. Все его офицеры не были обучены удерживать линию. Я позже поговорю с ним об этом».

«Мы больше не можем атаковать. Наши потери слишком велики. Этот проклятый лес; у нас никогда не будет достаточно тел для этого!»

Стерлинг вздохнул, его голос перешел от гневного к строгому: "Вен Хе должен нести ответственность за свою халатность. Передайте ему, что он понижен с Мастера Красного Знамени до Мастера Знамени. Однако он останется командиром третьей дивизии. Предупредите его, что если он снова все испортит, то может сам идти докладывать констеблям".

И Цинь Лу, и Тан Пин не удержались от смеха: это было уже третье понижение Вен Хе на этой неделе, и каждый раз Стерлинг казался всерьез рассерженным. Однако каждый раз он умудрялся найти какой-нибудь повод для того, чтобы повысить его обратно до прежней должности.

Не только Вен Хе, почти все офицеры знали, что Стерлинг был строгим, но справедливым. Служа под его началом, можно было легко получить повышение, но с такой же легкостью получить и понижение. У Стерлинга была политика нулевой терпимости к неудачам. Почти всем офицерам приходилось регулярно заглядывать в штаб с самого утра и спрашивать: "Я сегодня все еще Мастер Знамени или Мастер Красного знамени?" или "Что? Теперь я всего лишь Воин Знамени?! Еще вчера я был заместителем командира!"

Наконец, Тан Пин нашел возможность сообщить Стерлингу, исполняющему обязанности командира Армии Черного Знамени, - Мин Хуэй прибыл. Он ждал его в штабе армии.

Стерлинг был вне себя от радости. Прибытие Мин Хуэя означало, что могущественная Армия Черного Знамени находится неподалеку. Солдатам Центральной армии больше не придется сражаться без поддержки, и у них наконец будет время передохнуть!"



...

В простеньком и грубом штабе, собранном из веток и палок, встретились лицом к лицу два офицера самого высокого ранга в Дальневосточном регионе.

Стерлинг отдал честь: "Приветствую вас, командир. Как и было приказано, я удерживал позиции".

Мин Хуэй ответил тем же: "Приветствую вас, командир. Как и было приказано, я здесь, чтобы обеспечить поддержку".

Мин Хуэй и его сопровождающие были одеты в одинаковую темно-синюю униформу; их белые, как снег, перчатки были безупречны. В отличие от их начищенных черных сапог, золотые эполеты на их плечах ярко блестели под солнцем. Каждый из них выглядел хорошо отдохнувшим. С другой стороны, форма офицеров Центральной армии была больше похожа на грязные лохмотья. Каждый из них выглядел совершенно измотанным, а их тела были обернуты заляпаннными бинтами. Некоторые офицеры даже явились на встречу с обнаженным торсом, а половина их ступней была видна через прогнившие сапоги. Даже высокопоставленный офицер, Стерлинг, тоже выглядел не намного лучше. Покрытый грязью с головы до ног, он даже не надел шляпу, когда пришел приветствовать гостей, что могло считаться недопустимым поведением для его должности.

Офицеры Армии Черного Знамени переглянулись в ожидании, едва сдерживая смех. Так выглядела самая элитная армия Дома Цзычуань? Они едва ли были лучше группы бродяг.

Обычно встреча высокого уровня между двумя крупными войсками была очень важным и историческим моментом, но Мин Хуэй совершенно испортил ее, когда он занял: "Стерлинг, неужели вы в Центральной армии не едите? Мы проделали долгий путь и устали. Никто, ни один человек не предложил нам поесть".

Стерлинг горько усмехнулся и извинился: "Приношу свои извинения от имени моих людей. Немедленно приготовьте ужин для господина Мина и наших других гостей!"

Заместитель командира Цинь Лу вернулся с мученическим видом. Он отвечал за снабжение, и его девизом было: "Можете забрать мою жизнь, но не мою еду!"

Видя, как решительно звучал Стерлинг, он поспешно отдал приказ: "Готовить ужин!"

Быстро сварили свежий рис. Несколько офицеров Центральной армии тут же повернулись боком, пряча от гостей свой голодный взгляд... соблазнительный аромат риса был невыносим для них...

Мин Хуэй любопытно спросил: "Стерлинг, а ты не хочешь поесть?"

Стерлинг объяснил: "Я уже ел раньше со своими людьми, прошу простить меня".

Минг Хуэй рассмеялся: "Вот оно что, значит, даже великий Стирлинг научился экономить. Действительно, еда для солдат неплохая, но где же мясо? Стирлинг, ты так скуп, что припрятал всю лучшую еду. Знаю, что на передовой тебе непросто, но я не прошу отборных стейков или рыбы или еще чего-то. Хотя бы соленое свиное мясо было бы неплохо".

Стирлинг и его люди переглянулись. В итоге ответил горько Стирлинг: "Прости, но у меня ничего нет. Как только завтра поймаю диких кроликов или кабанов, обещаю, что отправлю их тебе".

Минг Хуэй слишком голоден, чтобы спорить. Несмотря на постоянные жалобы, он все равно закончил трапезу в рекордные сроки, продолжая наставлять Стирлинга: "Если солдаты не будут хорошо питаться, воевать у них пропадет желание. Вот почему в войне самое главное — иметь все необходимое! Стирлинг, тебе еще многому нужно научиться!".

На самом деле он имел в виду, что соли он съел больше, чем Стирлинг еды. Этому неопытному мальчишке лучше не пытаться отобрать у него пост главнокомандующего Дальневосточным фронтом!

Присутствующие офицеры Центральной армии молча с гневом наблюдали за всем происходящим. Центральной армии пришлось резко покинуть Ди Ду из-за надвигающейся угрозы на Дальнем Востоке. До выступления на поле боя у них не было времени собрать все необходимые припасы. Более того, им приходилось воевать глубоко за линией фронта противника, постоянно подвергая свои линии снабжения риску отрезания. С другой стороны, Чернознаменная армия Минг Хуэя не только специально прибыла позже, чем должна была, но постоянно избегала всяких фронтальных столкновений с врагом, при этом лишая все провинции, через которые проходила, всех полезных ресурсов. И все же, у него хватало наглости издеваться над ними прямо в лицо.

Штабной офицер Центральной армии Тан Пин, наконец, вышел из себя: "Я имел удовольствие ознакомиться с невероятными докладами сэра Минг Хуэя, в которых он утверждает, что убил семь миллионов мятежников за неделю. Сомневаюсь, что кто-либо в истории Зичуаня сможет превзойти ваши достижения, сэр!".

Все офицеры Центральной армии с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться в голос. Они презирали Минг Хуэя и его вымышленные рапорты. Видимо, он в одиночку перебил всех мятежников. Пожалуй, всем нам можно отправляться домой!

Минг Хуэй вытер рот, не обращая внимания: "Благодарю вас. Я всего лишь исполняю свой долг как слуга Зичуаня!". Словно он и не заметил ни малейшего намека на сарказм в словах Тан Пина.

Стирлинг взмахнул рукой, останавливая Тан Пина, не желая продолжать. Он уже имел честь наблюдать "толстокожесть" сэра Минг Хуэя в действии, когда принимал участие в кампании против Лю Фэн Шуана на западной границе, и она была "толще", чем Стирлинга, Зичуань Сю и

Ди Линя вместе взятых. Издеваться над ним было все равно что пытаться пробить дыру в металлических доспехах пучком сена. Это даже не зашекочет. Иначе Минг Хуэй никогда бы не убежал так быстро, как только видел армию Лю Фэн Шуана.

После обеда началось официальное совещание.

Стирлинг объяснил Минг Хуэю положение Центральной армии: "Центральная армия покинула Столицу с силами в сто пятьдесят тысяч человек, из них пятьдесят тысяч были кавалеристами, а сто тысяч — пехотинцами. После битвы у форта Уоррен, Великих гонок Дальнего Востока и оборонительных операций вокруг лесного массива Юнь... Мы понесли потери в размере более сорока тысяч человек, большинство из которых были кавалеристами. Из первоначальных пятидесяти тысяч кавалеристов у нас осталось едва ли двадцать тысяч. У нас также закончились запасные лошади, то есть мы потеряли большую часть нашей мобильности. Солдаты устали, а болезни стали обычным делом. Поэтому я прошу Чернознаменную армию временно занять линию обороны Центральной армии и позволить нам восстановиться".

Мин Хуэй внимательно слушал, подперев подбородок. Он прочистил горло и сказал: "Относительно этого... Это проблематично! Сэр Стирлинг. Как Вам известно, моя Черная Армия Знамени изначально была резервными силами, охраняющими границу с Домом Линь. Ни у одного из наших солдат нет реального боевого опыта. Я боюсь, что они не смогут удержать линии фронта. К тому же мы прошли долгий путь; нам тоже нужно время на восстановление! Кроме того, никто из нас не является уроженцем Дальнего Востока. Многие из нас еще не акклиматизировались к этому региону. Многие из моих людей больны, что значительно влияет на нашу боеспособность. К тому же мы недавно лишились запасов свежих фруктов. Все жалуются..."

Выслушав длинный список оправданий Мин Хуэя, Стирлинг чуть не взорвался: Черная Армия Знамени не акклиматизировалась; тогда все из Центральной Армии родились на Дальнем Востоке? Более половины моих людей страдают от дизентерии! У вас закончились запасы фруктов; у нас есть только дикие овощи. Вы утверждаете, что у вас нет боевого опыта; все в Центральной Армии от природы привыкли к войне? Кроме того, это все равно ложь. Черная Армия Знамени уже несколько раз участвовала в битвах против Дома Лю Фэна!

Стирлину удалось подавить гнев, спросив: "Поскольку приказ Верховного Командования предписывал вашей армии поддержать нашу, какую именно поддержку хочет оказать Черная Армия Знамени?"

"Ну, мои советники уже предложили мне план, прежде чем я прибыл сюда, и я считаю, что это хороший план! Кто-нибудь принесите мне карты!"

Мин Хуэй начал рисовать на карте: "Это лесной район, ведущий к Юнь. Большая часть мятежных сил сосредоточена внутри. Синяя линия обозначает ваши текущие оборонительные позиции. Мы планируем развернуться вокруг линии, отмеченной красным, чтобы поддержать Центральную Армию в ваших усилиях и вместе уничтожить мятежников!"

Стирлинг чуть не обезумел: красная линия, которую только что нарисовал Мин Хуэй для

позиций Черной Армии Знамени, почти полностью находилась позади синей линии текущих оборонительных позиций Центральной Армии. Он звучал искренне, когда говорил: "вместе уничтожить мятежников". На самом деле он намеревался спрятаться за Центральной Армией, чтобы сохранить свои силы.

Стирлинг быстро совладал со своим гневом. В конце концов, Мин Хуэй не находился под его прямым командованием. У него не было полномочий отдавать ему какие-либо приказы. Лучшее, что он мог сделать, — это обратиться через Верховное Командование или ректора — Цзычуань Шэнь Сина, чтобы косвенно отдать ему приказ. К сожалению, он оказался в месте, удаленном на тысячи километров от Ди Ду, и отправка и получение сообщения заняли бы недели. Кроме того, он не мог быть уверен, одобрит ли Верховное Командование или Цзычуань Шэнь Син его предложение. Даже если они и направили бы новый приказ, Мин Хуэй мог бы выразить свой протест, рассказав свою версию событий. Они оба были членами Верховного Командования; они имели право это сделать. В ходе переписки неизвестно, сколько времени бы потребовалось для окончательного разрешения дела.

Но положение Центральной Армии не могло ждать; им действительно нужно было время вне передовой. Каждый день был как год, и каждый день они теряли сотни солдат от голода, болезней или любых других не связанных с боевыми действиями проблем. Вместо того чтобы сказать, что они все еще могут продолжать сражаться, было бы правильнее сказать, что они все еще могут встать с постели. Все его люди к этому моменту превращались в ходячие трупы.

Стирлингу ничего не оставалось, как вести себя максимально вежливо, разговаривая с Мин Хуэем, но как бы страстно или упрямо он ни пытался рассуждать, обещать или умолять. Мин Хуэй все равно оставался старой скользкой лисой, каким он был, отвечая на каждый запрос совершенно одинаково: "Относительно этого... Это проблематично!"

Стёрлинг, казалось, утратил всю свою самоуверенность; его даже посетила одна немыслимая мысль. Он раздумывал подождать, пока не обосновались войска Мин Хэя, затем забрать своих людей и отправиться под покровом ночи, больше не возвращаясь и предоставляя Мин Хэю самому разрешать конфликт с повстанческой армией. Однако он понимал, что никогда не поступит подобным образом. Если этот мерзавец Мин Хэй последует его примеру и также уйдёт, кто останется защищать лес? Умиротворение нескольких окружающих провинций дорого ему обошлось; кто же понесёт ответственность, если повстанческая армия вновь распространится по Дальнему Востоку?

Ночь незаметно наступила. Мин Хэй поднялся и распрощался: «Поздно. Давайте продолжим нашу беседу в другой раз. Мне нужно возвращаться».

У Стёрлинга не осталось идей. Он же не может взять его в заложники, верно? Всё, что он мог сделать, – это оставить позади группу офицеров Центральной армии с их встревоженными лицами.

Стёрлинг заставил себя говорить уверенно и произнёс: «Всё в порядке. Война будет продолжаться с армией Чёрного знамени или без неё. Ужин ещё остался».

Порядок принес всем их «ужин». Большая кастрюля с супом из диких овощей оказался таким жидким, что можно было увидеть своё отражение на поверхности. Обычно в супе из диких овощей было чуть больше гущи, но они уже израсходовали весь сегодняшний паёк, когда готовили ужин для Мин Хэя и его сопровождающих. Так что осталось только это.

Стёрлинг налил миску жиденького супа, в котором едва ли были овощи. Он горько усмехнулся и напомнил себе: главное при поедании супа из диких овощей – выпить как можно больше, пока не наешься до отвала; и сдерживать мочеиспускание как можно дольше, потому что голод быстро вернётся, как только ты это сделаешь.

Пока все с тревогой поедали свою трапезу, из-за входа раздался радостный голос Мин Хэя: «Ага, Стёрлинг, ужасный лжец! Столько всего припрятал для себя, а вытащил это только после того, как я уже собрался уходить! Повезло, что на этот раз я застал тебя с поличным. Я тоже хочу этого». Офицерам армии Чёрного знамени было слишком темно пробираться назад, поэтому им пришлось вернуться в лагерь Центральной армии и запланировать остаться на ночь.

Мин Хэй с любопытством заглянул через плечо Стёрлинга прежде, чем тот успел всё прикрыть: «Посмотрим-ка, что же ты от меня прятал?»

Лицо Мин Хэя моментально скисло: «И это всё, что у тебя есть?»

Стёрлингу было слишком стыдно, чтобы возразить. Тан Пинг пробормотал что-то про себя: «А что ещё должно быть? Мы уже съели всё, что сегодня имеем».

У Мин Хэя на мгновение пропал дар речи, но в конце концов он проговорил: «Дай-ка миску». Он налил себе немного супа, но едва сделал глоток, как на его лице появилось отвращение. Он оттолкнул миску и посмотрел на Стёрлинга: «Как давно ты так питаешься?»

Понимая, что больше не может это скрывать, Стёрлинг ответил правду: «Две недели. Мы уже некоторое время как не получаем припасов».

Мин Хэй пытливо уставился на него. Он не мог поверить, что ловкий и политически подкованный офицер, каким был Стёрлинг ещё минуту назад, – это тот же человек, что стоит сейчас перед ним: «Почему ты не доложил об этом?» – торопливо исправившись, спросил он: «Кто это сделал? Ло Мин Хай? Почему ты не подашь на него прошение об импичменте?»

Мин Хэй уже знал ответ. Это Ло Мин Хай завидовал военным достижениям Стёрлинга. Он боялся, что Стёрлинг превзойдёт его и займёт его место. Он намеренно делал это, чтобы помешать усилиям Стёрлинга.

Стёрлинг честно ответил: «У меня нет доказательств, а любая попытка доставить неприятности директору школы – это моя вина». Он не хотел воевать с Ло Мин Хаем ещё и в то время, как дом уже был в опасности.

Мин Хуэй долго размышлял, а затем медленно произнес: «Стерлинг. Ты добрый человек! Но я не трус! Я не буду давать никаких обещаний, но две недели мое Черное знамя как минимум протянет! Скажи своим людям отступать».

Стерлинг был в восторге. Он глубоко поклонился Мин Хуэю: «От имени всех солдат Центральной армии мы искренне благодарны вам, господин Мин Хуэй. Я у вас в неоплатном долгу!»

Три дня спустя Черное знамя заняло оборонительные позиции вместо Центральной армии. Более ста тысяч солдат Центральной армии, которые вели боевые действия на Дальнем Востоке с самого начала, наконец смогли перевести дух, отступив в соседнюю провинцию Деха.

<http://tl.rulate.ru/book/20301/3921178>